

Мой любимый детектив

Елена Арсеньева



Помоги
другим умереть

Елена Арсеньева

Помоги другим умереть

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161468
Арсеньева Е. Помоги другим умереть: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-699-00135-2

Аннотация

Евгения Кручинина, сотрудница частного детективного агентства, оказалась свидетельницей убийства одного из своих клиентов, а спустя некоторое время случайно спасла другого. Как выяснилось, эти двое много лет назад играли в одном любительском спектакле. Самое странное, что почти все участники этого спектакля погибли... Что это? Цепь совпадений? А может быть, некий беспощадный убийца воспользовался случаем свести счеты со всеми своими врагами?

Ранее роман издавался под названием "Смерть тебе не изменит"

Содержание

Елена Арсеньева

4

Конец ознакомительного фрагмента.

123

Елена Арсеньева

Помоги другим умереть

Злодейство есть несчастье.
Н. Карамзин

Ничего нет противнее, чем ждать мужчину, который безнадежно опаздывает!..

Время шло к девяти. Самый вечер, а солнце как бы и не собиралось садиться: щедро било в глаза золотистыми лучами.

В направлении города нет-нет да и проносились автомобили, вздымая раскаленные вихри, отчего коротенькая Женина юбочка взвивалась еще выше. Из открытых окон до нее доносились поощрительные крики вперемежку с музыкальными воплями. Любой и каждый из пролетающих мимо (за исключением, понятное дело, тех, при ком уже была спутница) счел бы за счастье прихватить с собой одинокую девочку-летунью, столь щедро выставившую напоказ свою ладненькую фигурку и ошеломляющие ноги. Однако Евгения в ответ на недвусмысленные жесты легко улыбалась да делала только небрежные отмашки, всем своим видом являя нетерпеливое ожидание кого-то, кто вот-вот должен появиться со стороны города.

Остановишься рядом с такой девочкой – а тут ка-ак нале-

тит ее дружок! И, не дай господь, не один, а с командой ту-порылых качков: у каждого в кармане нож, а не нож, так револьвер, или кастет, или кулачище пудовый. Короче, никто не решился нарушить одиночество Жени. И наконец-то ее терпение было вознаграждено. Синее пятнышко, несущееся с пригорка, увеличилось в размерах настолько, что стало ясно: это тот самый «Мерседес», которого она заждалась.

Женя перевела дух. Ну слава богу. Она уж боялась, придется тут куковать до темноты. Еще какие-нибудь полчаса – и начнется самая комариная пора. А теперь по крайней мере ее ножки не пострадают от этих ненасытных пиявиц – на радость, надо полагать, приближающемуся господину Неборсину!

Она встряхнула длинными рыжими локонами, пронизанными солнцем, расправила плечи. Откуда, интересно знать, взялись дрожь в коленках и холодок, липнувший к коже?.. Да все пройдет нормально с этим Неборсиным! В конце концов, он у Евгении первый, что ли? Обыкновенный очередной бабник. Желает его супруга поймать мужа на месте преступления – пожалуйста, будет сделано. Через час, самое большее, Неборсин появится на даче с хорошенькой спутницей, так что мадам останется только возникнуть в условленную минуту. Техническая служба обеспечит аудио– и видеозапись волнующей сцены, которая, впрочем, не дойдет до логического завершения. Это уже за пределами профессиональных обязанностей Евгении. Провоцировать мужчину – пожалуйста-

ста, а остальное – на усмотрение супруги и судей в бракоразводном процессе. Но это потом. Сейчас же ее задача – остановить «мерс» и так завести клиента, чтобы опрометью ринулся нарушать супружеский долг! Ну что ж, такова суровая мужская доля. Вон даже в газетах пишут, что в генах каждого мужчины «записано» стремление сменить любимую женщину. А уж нелюбимую-то... Ведь, по всему судя, не любит Неборсин свою жену. Вот и меняет «ночных бабочек», как... Всякое сравнение покажется избитым, затертым и невыразительным. Меняет, словом, женщин, как перчатки. Не дожидаясь истечения очередных семи лет, когда девяноста восьми процентам мужчин предписано заводить романы на стороне. В оправдание сильного пола в той газетной статье говорилось, что такая информация якобы занесена на скрижали хромосом на уровне ДНК и РНК. Очень может быть, что об этом позаботились, для разнообразия, какие-нибудь космостроители, создатели человечества, – или, как любит говорить Лев, святые небесные силы. Кстати, Неборсину как раз тридцать пять, а это возраст в числе нескольких, запрограммированных на измену!

Ну вот. Светофор! Забавно: за все время, пока Евгения тут торчит будто нанятая (а что, не так?), ни одна машина не останавливалась перед светофором. Кому-то везло с зеленым светом, кто-то проскакивал на красный, глубоко имея в виду милицейский пост, который дремал за полкилометра отсюда. А вот Неборсин оказался законопослушен и тормоз-

нул еще на желтый.

«Нет худа без добра, – подумала Евгения. – Пускай пока что на меня полюбуется. О таком выгодном освещении девушка может только мечтать!»

Да, она знала, что вся блесит сейчас, будто золотая статуэтка, в мягкой дымке угасающего дня. Ей стало неловко: не искушай малых сих, сказано в Писании, а что она собирается проделать с этим несчастным ловеласом? Ну что ж, судьба такая. Вот сейчас она поднимет руку, тряхнет сияющими локонами...

«О нет! – мысленно вскричала Женя в следующее мгновение. – Только не это!»

Высокий мужчина вышел из-за кустов и, приблизившись к «Мерседесу», знаком попросил водителя опустить стекло. А если этот дядька попросит Неборсина подвезти и тот согласится?! Евгения снова останется ни с чем, и теперь-то Грушин наверняка ей голову отъест.

Главное дело, ничего толком не разглядишь. Осветитель-солнце вдруг сделалось врагом: так било в глаза, что Евгения видела только силуэты.

Вот черный, как тень, Неборсин потянулся влево, приспустил стекло. Незнакомец склонился, оперся на дверцу, что-то сказал или спросил, а потом выпрямился, прощально махнул рукой и неторопливо скрылся в рощице, которой близкие сумерки придавали густоту дремучих зарослей. Слава богу, значит, это не спохватившийся гаишник и не попут-

чик-конкурент! Женья воспрянула духом.

Красный свет сменился зеленым, однако «Мерседес» не тронулся с места.

Интересно бы знать, чем озадачил незнакомец Неборсина, какой такой вопрос ему задал, если тот погрузился в столь глубокое раздумье? Или что-то случилось с управлением?

Мимо проскочил «Форд», спеша на зеленый свет. Миновал застывшую на перекрестке машину. И вдруг тормознул, резко сдал назад. Жене было видно, как водитель выскочил на шоссе, припал к стеклу «Мерседеса», схватился было за дверцу, но тотчас отдернул руки, будто его шибануло током, вскочил в свой «Форд» и взял с места такую скорость, что уже через мгновение растворился в золотистом закатном мареве.

Что же так напугало «фордиста»? Или Неборсин просто сказал ему пару теплых слов: не мешай, мол, думать о жизни, езжай, куда ехал.

Как-то слишком надолго он задумался: силуэт как привалился к правой дверце, так и не движется.

Внезапно Евгения поняла, что это значит. И пока, подворачивая на высоких каблуках ноги, стремглав летела по шоссе, знала, что увидит, когда заглянет в салон: Неборсина с простреленной головой. Мертвого.

Так оно и оказалось.

* * *

«В жизни нет ничего торжественнее смерти. Она всесильна, она умирляет все страсти. Она неумолима. Если не взмахнула своей косой вчера, то взмахнет сегодня или завтра. Но до чего неожиданно приходит это «завтра»!»

* * *

– Эй, дитя мое! Пора бы и проснуться!

Тяжелая горячая рука рухнула на плечо Евгении.

Женя с усилием подняла взлохмаченную голову, поглядела слипающимися глазами:

– Отстань...

Ярко-розовая фигура качалась, подобно рассветному облаку, исторгая сочный хохоток:

– Вздremнула, что ль?

– Да так, немножко. – Женя помассировала затекшую шею. – Чего тебе?

– Мне? – Фигура ткнула себя пальцем в необъемную грудь. – Мне лично – только прибавку к зарплате. Но ради таких пустяков я бы не стала тебя дергать. Однако Грушин...

– Что, уже вызывает? – тоскливо зажмурилась Евгения. –

Ну зачем ты меня выдала?! Не могла сказать, что я умерла?

– Ты забыла, где кинула свои костоньки? Как, скажи на милость, Грушин пройдет в кабинет, минуя собственную приемную? Разумеется, он тебя сразу увидел. Еще скажи спасибо, что на плечико тебе опустилась моя нежная, трепетная ручка, – Эмма все-таки хихикнула, – а не его карающая длань.

– Он совсем плохой, да? – умирающим голосом спросила Евгения.

– Да уж, нехороший. Тяжеленький такой, – весело кивнула Эмма, прославившаяся своим глубоким пофигизмом. – Я и то задрожала в коленочках. Отмажу, думаю, подружку – еще и мне влетит под горячую руку. Одно дело Левушке отовратиться, когда с утра трезвонит, и совсем другое, знаешь...

– Левушке?! – вскинулась Женя. – Что, Лев звонил? И ты меня не позвала?!

– Сама же сказала: тебя нет ни для кого.

– Кроме Льва! – У Жени вырвалось невольное рыдание. – Я же тебе всегда говорю: ни для кого, кроме Льва!

– А сегодня не сказала, – упрямо отозвалась Эмма, но тотчас оборвала безэмоциональную дробь по клавишам компьютера и обернулась: – Да ты поплачь, поплачь, золотко. А еще лучше, пошли своего Левушку куда-нибудь... в Вавилон или где он там? Ветра ему попутного – на всю оставшуюся жизнь. Сколько можно?! В конце концов, чтобы понять, нужна ли ты мужчине и нужен ли мужчина тебе, вполне до-

статочно...

– Четырех месяцев, я знаю, – уныло кивнула Женя. – Ой, не будем, ладно? Пошла я. Ждет ведь, отец родной. Думаешь, будет в ковер закатывать?

– Боюсь, без этого не обойдется, – осторожно кинула Эмма, и Женя открыла дверь в кабинет с таким унылым выражением, которое способно было вышибить слезу у любого мало-мальски сердобольного человека.

Однако именно этим качеством никак не отличался широкоплечий мужчина, стоявший у окна тесноватого кабинета. Даже спина его выражала столь живое порицание, что Евгения затопталась на пороге, размышляя, не лучше ли ей исчезнуть. Отсидится где-нибудь, а там, глядишь, и схлынет первый шквал начальнического гнева. Но было уже поздно. Мужчина обернулся, и на Евгению вприщур глянули мрачно-серые глаза:

– Явилась?

Она только вздохнула вместо ответа. А что отвечать? «Да» – как-то банально, «нет»... Начальство не любит, когда ему противоречат, вдобавок Женя старалась не врать без надобности. Поэтому она еще раз вздохнула и вовсе повесила голову.

– Я сейчас как раз спрашивал себя, не удержать ли из твоей зарплаты сумму всех тех взяток, которые мне пришлось раздать, чтобы вывести тебя из этого дела, – сказал шеф.

– Ну, тогда мне останется только на панель идти, – прошепелестела Евгения, надеясь повеселить начальство, однако тут же получила прямо в солнечное сплетение:

– А какой с тебя там прок? То, что ты ледышка, я знаю лучше других. И вообще, таким дурам на панели нечего делать. Любая нормальная шлюшка на твоём месте мчалась бы от того клятого «мерса», как наскипидаренная, а ты что натворила?! Ладно – подошла, ладно – заглянула. Так ещё вызвала, дуреха, милицию и «Скорую». Ты назвалась! Ты... – Он подавился простым крепким матом. – Ты дождалась их приезда и начала давать показания!

– Грушин! – не выдержав, возмущенно вскричала Евгения. – Ну не могла же я бросить этого бедолагу с простреленной головой на шоссе!

– Не могла, – резко кивнул шеф. – Но разве я тебе об том толкую? Ты обязательно должна была сообщить об убийстве. Но не кому попало, а только мне, мне. А уж я решил бы, что делать дальше. Но, боже мой, как идиотски, как бездарно ты все состряпала!

– Это же только один раз, – пролепетала Женя. – Единственный! Все-таки был труп, а ты сам говорил, что труп многое извиняет.

– Многое, – согласился Грушин, и его серые глаза еще больше помрачнели. – Но не все. К тому же труп такой добрый, поскольку ему вообще уже все до лампочки. А мне – нет. И если сотрудник моего агентства светится, как эта са-

мая лампочка, то... – Он передернул плечами с видом безграничного отвращения. – Знаешь, какова одна из версий следствия? Супруга Неборсина кого-то наняла, чтобы избавиться от гуляки-мужа. Удивлюсь, если ты не пройдешь как соучастница.

– Ой, не могу больше! – прошелестела Евгения. – Сесть можно или ты хочешь, чтобы я умерла стоя?

Грушин зло оскалился, что означало: шутки здесь неуместны, а потом удостоил ее стулом, будто правительственной наградой.

– Только надолго не устраивайся. Хватит хныкать в приемной и слоняться без дела. Давай собирайся. Поработаешь в манеже. Знаешь, в Высокове?

«Работа! Наконец-то! Меня не выгоняют!»

Сердце подпрыгнуло от радости, но вид на всякий случай Евгения по-прежнему сохраняла самый печальный.

– На конюшню ссылаете, барин? Ладно, наше дело холопье. А там что?

Грушин протянул ей конверт.

– Там дело, которое даже ты, крошка, не заporешь. Вот, взгляни. Запись телефонного разговора с мадам, точная формулировка задания и все такое. Деньги. Час в манеже стоит тридцатку: здесь на первые десять часов. Может, удивишься и быстрее, хотя...

Он с сомнением оглядел Женю, и она сочла за лучшее проглотить обидный намек:

– Хорошо.

– Ну, хорошо – так иди. – Грушин сел за стол, заваленный почтой. – Видишь, сколько у меня тут всего? По твоей милости всю первую половину дня псу под хвост сунул.

«Ну и пила же ты, Грушин, – со всей возможной любезностью сказала Женя, разумеется, мысленно. – Электропила «Дружба»!»

– Кстати, я хотела спросить... – Она сделала робкий шаг к столу, но наткнулась на каменный взор и шарахнулась на два шага назад.

– Насчет вычетов из зарплаты, что ли? Не волнуйся, не будет никаких вычетов. Работу в манеже оплатили вперед! Пока половину суммы, но сказано было, что за ценой не постоят. Твое счастье.

– Да я не про деньги, – наконец обрела дар речи Женя. – Как все-таки насчет милиции? Ведь я, строго говоря, единственный человек, видевший убийцу. Хотя бы издали.

– Успокойся, не единственный, – потряс какой-то бумажкой Грушин. – Мне удалось снять копию с показаний некоего Гулякова, бомжа по месту жительства и образу действия. Говорящая фамилия, да? Этот Гуляков чуть ли не весь день дрых на обочине, в траве, но уже продрыхся к тому времени, как Неборсин затормозил на светофоре. Он побольше твоего успел увидеть! Довольно приметливый оказался бомж! И излагал все довольно связно. Правда, поначалу, поняв, что случилось, этот Гуляков махнул подальше от неприятностей.

Поэтому тебя не приметил. И это опять-таки твое счастье! Твои показания не будут подшиты к делу.

— А вызов?

— А вызов параллельно с тобой сделал хозяин «Форда». Его данные в милиции есть. Твои положены под сукно. Конечно, если бы от тебя в ходе следствия что-то зависело, я бы не стал идти на всякие такие противозаконные деяния, но поскольку имеется этот глазастый Гуляков...

— Ты же говорил, что он удрал, — напомнила Женя.

— Сначала удрал, а потом в нем пробудился гражданский долг. Увидел, что приехала милиция, и вылез на свет божий, надеясь получить бесплатную кормежку и ночлег в бомжатнике. И получил! Очень удачно все сложилось, не так ли?

Евгения задумчиво кивнула. Ее так и подмывало с невинным видом ляпнуть, что гражданского долга в этом бомже-биче оказалось побольше, чем в самом Грушине, который ради блага и процветания агентства «отмазал» засветившуюся сотрудницу от дачи показаний, даром что та оказалась свидетельницей убийства. Главное дело, было бы хоть настоящее детективное бюро, типа «Арсенала» или «Суперагента», где работают профессионалы, мощная конкуренция органам. Но ведь при громком названии специализация у «Агаты Кристи» не бог весть какая: адюльтеры, шантаж, телефонное хулиганство, мелкие махинации на бытовом уровне... Грушин же так трясется над этой анонимностью, словно они охраняют интимные тайны президентской родни! Однако у

Евгении хватило ума промолчать, не брякнуть всего этого в лицо шефу. Грушин и так еле сдерживается, а уж если даст волю гневу... Нет. Это не для слабонервных. Кроме того, ей просто-напросто нравилась работа.

– Можно идти? – робко спросила Женя.

– Я думал, ты уже в манеже, – буркнул Грушин, утыкаясь в бумаги.

Да, обстановка стала сурово-рабочей. Телефонный звонок, донесшийся из приемной, показался совершенно неуместным.

«Междугородка, – подумала Евгения. – А вдруг?...»

Она сделала шаг к двери, но та распахнулась, и на пороге возникла Эмма.

– Грушин, изволь кофе. – Она протопала к столу, заслоня Женю и делая ей за спиной какие-то знаки свободной рукой. – А мы в приемной попьем, чтоб тебе не мешать. – И снова эти знаки...

И вдруг до Жени дошло! От догадки даже дыхание перехватило. Но ее мгновенно преобразившееся лицо не ускользнуло от внимания Грушина, который очень некстати вскинул голову.

– Лев объявился, что ли? – спросил угрюмо. – Я так и подумал, когда услышал звонок. Ну идите, чего стали тут?

Женя поймала брошенный исподлобья угрюмый взгляд, а потом Эмма выволокла ее в приемную, поплотнее прикрыв начальственную дверь и бормоча:

– Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь!

Строго говоря, Грушин старался не принимать заданий по телефону. Гарантируя клиентам полную сохранность их личных тайн, он настаивал на обязательном визите в фирму. Соглашался встречаться и на нейтральной территории. Он говорил, что непременно должен поглядеть заказчику в глаза, чтобы увериться: частное сыскное агентство «Агата Кристи» не окажется замешанным в грязное или сомнительное дело, а то и прямое преступление, замаскированное обыкновенной бытовухой.

Однако семейная история Климовых оказалась нетипичной. Валерия Климова узнала о неверности супруга буквально по пути в аэропорт, отправляясь в зарубежную командировку. Уже в машине она спешно вскрывала скопившуюся за несколько дней служебную корреспонденцию. Среди вороха рекламных проспектов и прочей чепухи оказалась анонимка.

Каково бы ни было общепринятое отношение к анонимкам и анонимщикам, Грушин по опыту знал: на этот вид информации люди реагируют не менее болезненно, чем на письма или звонки конкретных авторов. А то и более! Кто-то неведомый, невидимый посвящен в самые сокровенные, а порой и постыдные тайны твои и твоих близких. Знать об этом мучительно! К тому же очень многие анонимки несут в

себе достоверную информацию. А уж какие чувства движут «писателем» – вопрос десятый.

Валерии Климовой информация анонимщика показалась не просто достоверной, а очень достоверной. Было приведено слишком много деталей, чтобы усомниться. Причем не отвратительных деталей адюльтера (в этом смысле неведомый «доброжелатель» оказался на диво тактичен), а именно деталей климовской натуры. Этот надменный молчун, ее муж, как живой представал на страницах письма. Валерии, а потом и Грушину, когда ему зачитали текст анонимки, даже показалось, что соблазнительница сама донесла на своего приятеля. Бывало и такое, ни одной версии нельзя отметить при расследовании, справедливо рассудил Грушин. Но это потом. А сначала он все-таки принял заказ по телефону, уступая не слезам и отчаянию (Валерия Климова не плакала и вела себя достойно, хотя в голосе ее звучала истинная боль), а необычайной убедительности ее тона. Самым же весомым доводом оказалась сумма гонорара и готовность сделать половинную предоплату. Что и произошло часа через два: посыльный (назвавшийся шофером Климовой) привез в конверте деньги.

Дело представлялось Грушину не слишком замысловатым. И хотя такие элементарные слежки проводили обычно стажеры, а Евгения Кручинина считалась достаточно квалифицированным агентом, Грушин не мог отказать себе в удовольствии поставить ее «в угол». Тому были свои причины,

и промах с Неборсиным имел к ним самое отдаленное отношение.

Эмма, впрочем, определила эти причины абсолютно точно!

* * *

– Вы что, в *этом* собираетесь кататься?!

«Этим» были шорты – отличные, цвета морской волны. Девочка-берейтор Алиса смотрела на них с отвращением:

– Вы себе все ноги о седло сотрете. Знаете, как сильно нужно сжимать коня коленями? Иначе он вас слушаться не будет. А седло – оно ведь очень грубое. Нет, это не пойдет. Нужно что-то вроде лосин. А лучше бриджи специальные, для верховой езды.

– Ну вот, здрасьте, – огорчилась Евгения. – А я так хотела сегодня прокатиться. Где же я сейчас бриджи возьму?

– И в кроссовках – не лучший вариант, – продолжала неумолимая Алиса, которая, похоже, задалась целью во что бы то ни стало помешать Жене приступить сегодня к выполнению задания. – Они не мобильные, они бесчувственные, в них вы не будете как надо ощущать стремя. К тому же при падении можете зацепиться за стремя язычком, и это для вас очень плохо кончится!

Женя представила, как валится с коня и цепляется за стремя... Она поклялась себе держать язык за зубами и даже

сейчас на всякий случай покрепче стиснула рот.

– Да я про язычок кроссовок говорю, – с презрением глянула Алиса. – Ну ладно, для начала их можно оставить, только на будущее все равно придется позаботиться о сапогах для верховой езды. А вот шорты придется снять.

– Но у меня там только трусики, – стыдливо шепнула Женя, вспоминая кружевной треугольничек, для которого даже уменьшительно-ласкательный суффикс был великоват. И сегодня она, разумеется, пришла без парика. Вот если бы на ней были те же рыже-золотые локоны, что и в деле с Неборсиным, она могла бы прикрыться ими, подобно какой-нибудь леди Годиве, и обойтись без бриджей.

Воспоминание о Неборсине повергло Евгению в уныние, и, очевидно, это отразилось на ее лице, потому что суровое Алисино сердце вдруг смягчилось.

– Да не надо так огорчаться, – сказала она добродушно. – Что-нибудь придумаем. Например, наденете мои штаны. А я – шорты, тут чьи-то валяются. Я все равно не ездить буду, а вас на корде водить, а потом, когда уйдете, переоденусь.

Непонятный и страшноватый корд, на котором ее предстояло водить, Евгения оставила на потом. Так же, как огорчение от слова «водить». А как же верховая езда?! Она-то представляла, как летит по манежу, вздымая пыль и пригибаясь к шее норовистого скакуна, а клиент с восхищением таращит на нее глаза. Нет. Сегодня это совершенно не нужно. Сегодня она должна выглядеть как можно неприметнее,

и, если для этого придется натянуть на себя чужие бridжи, Евгения готова на все. Хотя в Алисе полтора метра росточку и не более тридцати килограммов весу. Это же эльф!

После пяти минут стонов, охов, вздохов и подтягиваний Женя наконец поняла, что даны ей были не простые штаны, а сшитые из шагреновой кожи. Мало того что она влезла в эту крохотную одежду, та оказалась ей даже великовата, словно сама Женя непостижимым образом уменьшилась в размерах. Вполне возможно, окажись здесь Эмма, Алисины «ползунки» пришлись бы впору и ей.

Чувствуя себя необычайно лихо, Евгения взвалила на плечо седло с надписью «Лоток» и вслед за Алисой отправилась в конюшню, где ожидал своей очереди зарабатывать для ма-нежа деньги этот самый Лоток.

– Первым делом запомните, – поучала на ходу Алиса, – никогда не приближайтесь к коню сзади. Может лягнуть и даже насмерть зашибить, совершенно не желая этого.

Вдруг она прижалась к металлической стенке, сделав Жене знак:

– Осторожно, пропустите!

Ведя в поводу длинноногого рыжего коня, из денника с надписью «Балтимор» вышел надменный мужчина в идеально сидящих бриджах, синей ковбойке, кокетливом шейном платочке и кепи. На его ладных сверкающих сапогах, облегających ноги, как перчатка, нежно позванивали маленькие шпоры.

– Пижон, – проворчала вслед Алиса. – Терпеть не могу таких вот, со шпорами.

Вдруг рыжий конь малость замедлил свое важное шествие, задрал хвост и свалил на бетонный пол сочащуюся паром кучку.

Алиса хихикнула, сморщив нос.

– Надо бы убрать, – сказала она, нерешительно оглянувшись, и двинулась было к лопате и метле, прислоненным к стенке, но тут дверца ближнего, пустого денника отворилась. Возникла сутулая фигура в замызганном трико и громоздком брезентовом фартуке, с двумя совками в руках. Терпеливо склонив кудлатую голову, фигура подобрала дар Балтимора и проследовала с ним во двор.

– Спасибо, дядя Вася, – с облегчением сказала Алиса. – Или это Ваныч? А, все равно спасибо. Хотя убирать следует тому, кто в данную минуту выводит лошадь. – Она проводила неприязненным взглядом надменную фигуру в кепи. – Пижон, «новый русский». Что вы так на него уставились? Ничего особенного, форс да шпоры.

Женя задумчиво кивнула. Ну, вот она и увидела своего клиента. Интересный мужчина, чем-то похож на покойного Неборсина. Такой же знающий себе цену. Правда, форсу много! И ему тоже тридцать пять. Критический возраст супружеских измен! По счастью, его не надо провоцировать на проверку супружеской верности. Судя по информации, адюльтер здесь в разгаре. В данном случае Евгении предсто-

ит только слежка. В сочетании с полезным и приятным времяпрепровождением – верховой ездой.

Оказывается, корда – это длинный ремень, на котором тренер водит по кругу лошадь с неопытным всадником, следя за его посадкой. Неопытным всадником была Женя, ну а тренером – крошка Алиса. Своими маленькими ручками, обладавшими железной хваткой, она без труда контролировала натяжение корды и вовсю «оттягивалась», громогласно поучая Женю:

– В седле не заваливаться! Зад подберите! Не натягивайте повод, вы хотите, чтобы у вас лошадь бегала, или просто сидеть хотите? Не теряйте стремя! Работайте ногами, зачем вам вообще ноги даны? – И все в таком духе.

Как выяснила Женя, главная часть ее ног – от колена до пятки. Называется это – шенкель, и дарован он судьбой во все не для того, чтобы любоваться стройностью его очертаний, подчеркнутых туфелькой на высоком каблучке. Шенкелями следует изо всех сил сжимать лошадиные бока, заставляя животину двигаться. По определению Алисы, у Евгении оказались не шенкеля, а кисель. И она терпеливо снесла обиду. Все-таки последние два дня ее только и делали, что критиковали все, кому не лень, было время привыкнуть.

Серый в яблоках Лоток оказался существом незлобивым, но ленивым и своевольным. Над шенкелями Евгении он просто-таки смеялся. В конце концов она признала свое пора-

жение и сделала вид, что всю жизнь мечтала именно об этом: или стоять (сидя при этом в седле) где-нибудь в уголке, или мотаться на Лотке туда-сюда по манежу, мешая тренерам работать, а наездникам – скакать. Конечно, даже от такой верховой езды можно было получать удовольствие. Но выполнять задание...

Неведомо почему, Лоток особенно любил климовского Балтимора, и сколько раз он норовил приткнуться к его рыжей морде, было просто невозможно сосчитать. Сначала Климов снисходительно улыбался, когда Лоток прерывал его важный галоп. Потом улыбаться перестал и знай только уворачивался от бесконтрольного конька с непередаваемым выражением презрения. Ну а Евгения, совершенно отчаявшись сладить с упрямым серым четвероногим, думала только о том, что слезка безнадежно провалена. Просто классически провалена! Теперь Женя была уверена: даже если она встретится с Сергеем Климовым через год, скажем, в перенабитом людьми московском метро, он все равно узнает ее сразу. Тем более что со всех сторон то и дело раздавались голоса тренеров:

– Не приближайтесь к Балтимору. Он бьет копытом!

– Балтимор может лягнуть, придержите Лотка!

И даже:

– Поверните Лотка в противоположную сторону! – что было уж совершенно из области фантастики...

Но всему на свете приходит конец. Кончилось и это му-

чение.

Климов, очевидно, сочтя день потерянным, картинно спрыгнул с коня и, бросив на прощание тренерше Светлане: «Завтра приеду в шесть, так что вы Балтимора никому не отдавайте», передал повод усатому парню, ждущему своей очереди покататься.

Судя по тому, как этот джигит поглядывал на Евгению, он не имел ничего против, если бы Лоток снова начал приставать к Балтимору. Но появилась Алиса и сообщила, что время наслаждаться стремительной скачкой истекло. На Лотка тотчас лихо вскочила длинноногая девица, у которой с шенкелями, похоже, было все в порядке, потому что Лоток как шелковый побежал по кругу. А Женя, снедаемая ревностью, побрела в каптерку берейторов – переодеваться в свои бесполезные шорты.

Она всю себя ощущала сейчас именно такой: бесполезной и бестолковой. Все, что ей удалось выяснить, – это что Климов ни с одной из пятерых здешних девушек не флиртовал, даже не улыбался им и уехал домой один в своем навороченном «Форде Мустанг» с серебристыми силуэтами диких коней на дисках колес.

Жене очень хотелось поверить, что последняя фраза насчет завтрашнего дня и была сигналом о предстоящем свидании. Вот беда: Света оказалась самой невзрачной из всех тренеров. Мужиковатая, нескладная, с грубыми чертами толстощекого лица, она едва ли могла привлечь внимание

такого утонченного денди, как Климов. Да и сама поглядывала на него неприязненно. Все дело, как успела смекнуть Евгения, было именно в шпорах. Здешние девицы обладали стальными шенкелями и гордились этим. А если у человека на сапогах шпоры, напрягаться ему в седле необязательно. легонькое прикосновение острого железа к боку – и норовистый Балтимор превращается в овечку.

Евгения возмечтала было о шпорах на своих «немобильных» кроссовках, но тотчас ей стало жаль Лотка: причинять коню боль ради собственного удовольствия? Жестоко. Если это скачка, от которой зависит жизнь, – дело другое. Но мучить ради эффектной выправки, ради щегольства перед зрителями и самим собой... Женя почувствовала, что Климов нравится ей все меньше и меньше.

Ну и отлично, тем легче будет объективно анализировать его действия.

Итак: Света, похоже, отпадает. Очевидно, и Алиса. Во-первых, тоже презирает шпоры, во-вторых, совсем еще ребенок. Даже не нимфетка, а девочка-мальчик. А Климов не похож на совратителя малолетних. Да и в анонимке речь шла о какой-то «красотке-амазонке». Красотками были три остальные девушки: Аня, Лиза и Маша. Но при Ане находился молодой муж, сидевший на трибунах для зрителей и стороживший взглядом каждое ее движение. Значит, Лиза или Маша? Или тренер другой смены? Но чего ради Климову кататься в одну смену, а любовь крутить в другую, если

можно совмещать приятное с полезным? К тому же в фешенебельном салоне «Дублинки, кожа, мех», где он работает замом коммерческого директора, довольно суровое расписание. Евгения нарочно уточнила это и поняла: среди трудового дня на свиданку не больно-то сбежишь! Тем более за тридевять земель, в манеж. Значит, скорее всего Лиза или Маша.

Работал манеж до восьми вечера. Женя не поленилась подождать час, чтобы понаблюдать, как обе молоденькие тренерши, сцепившись под ручку, бегут по извилистым горкам Высокова, мимо кладбища, мимо церкви, мимо утонувших в садах домишек, к автобусной остановке. Здесь подружки расстались, наскоро чмокнувшись в щечки. Лиза уехала на девятнадцатом, Маша осталась ждать сорок седьмого. Из чисто эгоистических соображений (сорок седьмой был и ее маршрутом) Евгения тоже осталась. Однако она сделала ставку не на ту лошадку: Маша доехала до вокзала, а там чуть ли не бегом бросилась к электричке на Тарасиху.

«Может быть, они встречаются на природе? – мелькнула мысль. – Климов приезжает на «Форде Мустанг», а Маша, для конспирации, на электричке? Нет, уж больно сложно. И не по-джентльменски. Да и времени почти девять. Ночь любви на даче, что ли? Но в анонимке об этом и речи не было, там живописалась именно манежная любовь. В закутках спортзала, на трибунах. И всякая такая иппоромантика».

Вопрос снялся просто: бросив прощальный взгляд вслед

электричке, Евгения вернулась в вокзал и, кое-как сладив с автоматом, набрала домашний номер Климова.

– Алло! – сразу схватил он трубку. – Алло! Ничего не слышно! Лера, Лера, если это ты, перезвони, я ничего не слышу!

«Вот те на, – подумала Женя, осторожно вешая трубку. – Климов-то какой добропорядочный супруг оказался, с ума сойти! Сидит дома, караулит звонок родной жены. Может быть, конечно, он не один. Может быть, Лиза где-нибудь пересела на другой маршрут, приехала в Кузнечиху к любовнику и теперь, свернувшись рядом с ним на постели, хихикает его актерству? Или угрюмо, ревниво вслушивается: а вдруг это не игра?

Не проходит. Климовы жили с матерью Валерии и двумя детьми. Разве что семейство на даче и у Сергея Владимировича развязаны руки?» Евгения подумала-подумала и опять набрала климовский телефон.

На сей раз зазвучал голос немолодой женщины:

– Алло?

– Льва позовите, пожалуйста! – бухнула Женя первое, что пришло в голову.

– Какого Льва? Вы куда звоните? – испугалась климовская теща.

– Бенгальского. В зоопарк, – уныло ответила Евгения на оба вопроса, вешая трубку и думая, что зря Грушин ее все-таки не уволил! Одно из основных этических правил раз-

работки возможного адюльтера – без согласования с заказчиком не провоцировать и не усугублять ситуацию. А Евгения только что обошла это правило, даже не чихнув. Обскакала, можно сказать, если использовать актуальную терминологию. Тещи и жены очень болезненно воспринимают такие вот анонимные звоночки. И глупо, глупо-то как! Нет бы спросить: это магазин, больница, морг, в конце концов, позвать к телефону какую-нибудь Марь-Ванну, Костю, Петю, Сережу... Нет, Сережу нельзя, Сережа – это Климов. Да кого угодно! Но Льва, главное! У кого что болит, тот про то и говорит, это ясно. Но если теща Климова наслышана про анонимку или в чем-то когда-то подозревала зятя (а тещи зятьев подозревают беспрестанно), сейчас она насторожилась. И если Климов, к примеру, не появится завтра в манеже, Евгения будет знать, кто в этом виноват.

Но не теща. Она сама!

* * *

«То, что людям известно о смерти, немного смягчается для них тем, чего они не знают о ней; неопределенность времени прихода ее несколько походит на бесконечность.

Природа дала нам возможность не думать о смерти, потому что, если бы мы о ней думали, то всю жизнь

пребывали в оцепенении страха».

Из дневника убийцы

* * *

Одно было хорошо – день кончался. До одиннадцати, когда Евгения обычно ложилась спать, оставалось всего ничего. То есть недолго ей пребывать в состоянии уныния и презрения к себе. А утро вечера мудренее, так уж испокон веков ведется.

Сейчас что-нибудь съесть. Потом под душ – и обязательно помыть голову. От этого всегда становится легче.

Телефон зазвонил, когда она сидела в ванне и облегчение еще не наступило.

Эмма поинтересовалась самочувствием.

– Все нормально, только очень устала, – ответила Женя, мысленно проклиная себя за то, что поставила аппарат в ванной (чтобы, не дай бог, не пропустить Левушкиного звонка, но самое смешное, что ни разу ей не пришлось разговаривать с ним отсюда!), что сняла трубку, что спорила глупость с Климовым, что вернулась в Нижний Новгород, что вообще родилась на свет.

– Ладно, спи, – на диво быстро отстала Эмма. – Да, вот еще! Ты, когда у Грушина была, ничего с его стола не прихватила ненароком?

– Привет, – усмехнулась Евгения, – на добрую память, что

ли?

– Тебе лучше знать. Пропала какая-то бумажонка, сам небось засунул знаешь куда, а со всех скальп снимал. Ну ладно, до утра.

– А какая бумага-то? – из вежливости спросила Женя, но опоздала: Эмма уже повесила трубку.

Она вытиралась, когда телефон зазвонил снова. Рванула трубку... нет, Грушин!

– Как дела?

– Пока ничего конкретного, – осторожно ответила Женя. – Объект очень осмотрителен. Девушку я вообще затрудняюсь вычислить.

– Ну, не теряйся там, – удивительно миролюбиво посоветовал Грушин. – Кстати, я тут поговорил со своим дружкой из милиции насчет Неборсина. Помнишь еще такого?

– Как не помнить? – вздохнула Женя, покачав головой: ну и шуточки у начальника! Барбос!

– У них есть совершенно определенная версия насчет каких-то автозаводских разборок. Что-то там с дочерними и дилерскими фирмами. Похоже, обычная история: не поделили денежки. Так что не дергайся, тебя не будут вызывать.

– Да я и не особенно дергаюсь, – с искренним облегчением ответила Женя. – Спасибо тебе большое.

– Стакан, – отозвался Грушин, который иногда любил строить из себя «пинжака», но тут же спохватился: – Ах да, слушай, я в твой конверт с заданием не положил случайно

еще один листочек?

– Нет, – покачала головой Женя. – Что вы с Эммой на меня хором набросились? Но, если хочешь, я проверю, только подожди две минуты, пока вытрусь.

Она тут же прикусила язык, но было уже поздно.

– Ты что, из ванны? – мрачно спросил Грушин. – И ребенка небось?

– Одета, – огрызнулась Евгения. – И застегнута сверху до низу.

– А как же ты мылась, одетая? – назойливо удивился Грушин. – Вещички попортишь – не жалко?

– А я в водолазном костюме, – сквозь зубы сообщила Женя. – Знаешь, такой огромный, тяжеленный, со шлемом.

– И с резиновыми шлангами?

Наконец-то в голосе Грушина перестали звучать эти нотки умирающего лебедя, от которых Жене хотелось на стенку лезть.

– Сними, Грушин, – хихикнула она, чувствуя, как отлегает от сердца.

Но, как выяснилось, преждевременно. Грушин помолчал, помолчал, потом выдавил:

– Все-таки я тебя когда-нибудь убью.

И положил трубку.

Она вылетела из ванной, задыхаясь от злости. Может, и правда – пусть грушинская любовь ее минует? Устроить это

очень просто: всего-навсего уволиться.

И что потом? Опять оказаться в том же состоянии растерянности перед жизнью, которое владело ею два года назад, когда она в буквальном смысле спустилась с небес на землю и бродила по этой земле, не зная, куда приткнуться? Да, ее звали на прежнюю работу в юридическую консультацию, звали на кафедру международного права, где она когда-то защищалась, но все это казалось такой преснятиной! И вдруг выпал из гиперпространства старинный приятель Грушин со своей «Агатой Кристи». Женю словно бы в театр пригласили, но не смотреть спектакли, а играть в них главные роли. Жалко бросать...

В дверь позвонили.

– Кто? – угрюмо спросила она, глянув в «глазок», но на площадке никого не обнаружила.

– Кто там?

Тишина.

Ага, понятно. Любимые грушинские приколы! В прошлый раз он терзал звонок до тех пор (молча, заметьте себе!), пока Женя не плюнула и не открыла... для начала нажав на кнопочку газового баллончика. Когда прочихалась, обнаружила на площадке растаявший торт-мороженое и букет. После этого появился чихающий Грушин. Ну и что? Просидели вечер, глядя каждый в свой кофе и пытаясь зачерпнуть шоколадно-розовую жижу, в которую превратился торт!

Нет, сейчас она не откроет. И даже если он назовется, да-

же если встанет перед «глазком» навтыжку – не откроет все равно!

Однако в дверь больше не звонили.

Про сон теперь и думать не хотелось. Евгения послонялась по квартире, размышляя, не позвонить ли маме (та ухаживала в Москве за больной сестрой). Нет, они обе уже спят. Ужасно хочется с кем-нибудь пообщаться! А подруг, считай, нет, все они куда-то улетучились за последние годы. Хотя это она сама «улетучилась», предавшись своим воздушным приключениям. А девчонки жили реальной земной жизнью: повыходили замуж, понарожали деток. Им и дела нет до одинокой Евгении, у которой только и осталось что работа да воспоминания, словно ей не двадцать шесть, а шестьдесят шесть. Впрочем, у нее еще жива надежда, что когда-нибудь удастся сказку сделать былью. Вот именно так – преодолев пространство и простор.

Нет, надо отвлечься чем-то радикальным! Женя открыла книжный шкаф, достала *ту* кассету (если правда, что у каждого в шкафу свой скелет, то вот он, ее «скелет» в ее шкафу!), включила видеомagnetофон и забилась в уголок дивана, с ногами укутавшись в халат.

И сразу полыхнуло в глаза пламенем! Слишком жаркое солнце в Багдаде.

Вот на траве – пока еще зеленой, потому что апрель, а

через месяц-другой здесь будет только желтая, выжженная глина, – лежит какая-то длинная-предлинная разноцветная тряпка. Стоит хорошенькая желтая корзина, над ней – железный каркас, причем сверху торчит что-то похожее на шлем рыцарей Тевтонского ордена. Это газовая горелка.

А вот и он! В красной каскетке и черной жилетке с надписью на карманчике: *пилот*. Светлые глаза невидяще, сосредоточенно смотрят в камеру, рот сурово сжат.

Огромная разноцветная палатка стоит на земле. Лев ходит по ней, трогает бока, оглядывает. Но это не палатка, это оживающий шар! Лев садится в корзину и, сжимая горелку, будто ручной пулемет, начинает стрелять в колышущуюся, бесформенную массу короткими залпами ревущего пламени. Так надувают шар.

В камеру заглянул, перекрывая Льва, командир отряда парашютистов Марк с его суровым профилем римского легионера и детским взглядом. Помахал рукой, улыбнулся:

– Женечка, привет. Возвращайся к нам! Эх, прокачу...

А Лев и бровью не повел, только губы сжал покрепче. Ему, конечно, не до приветов: шар начинает вздыматься. Но ведь так всегда...

А шар уже рвется в небо, да с такой силой, что ражих помощников, вцепившихся в веревки, запросто мотает по полю. Еще с десятков здоровенных парашютистов облепили корзину, стараясь при этом не мешать Льву, который уже не сидит, а стоит, напряженно выпрямившись, и все бьет, бьет

короткими очередями в просторную полость огромного воздушного существа.

Небо такое ослепительно голубое, что фигуры кажутся черными, и только шар, пронизанный солнцем, радужно сияет и переливается. И вдруг – раз! – веревки отпущены, помощники посыпались на траву, машут прощально, а шар, сделав восторженный, ошалелый прыжок, взмыл в воздух и пошел, пошел все выше и выше, подталкиваемый короткими струями огня...

На его выпуклых боках был нарисован восточный город, и чудилось, будто все эти минареты, и купола, и кудрявые пальмы сами собой вознеслись в небеса, отправились в воздушное путешествие, захватив с собой единственного человека на Земле.

Женя не стала ждать последних кадров, на которых самосветные пузырьки несутся один за другим в вовсе непредставимой высоте. От этого зрелища всегда щемило сердце. Тот, кто снимал эту пленку, не догадался сделать самого главного кадра: возвращения Льва. Он опять улетел, а Женя опять осталась. Как всегда.

Она выключила телевизор и побрела в постель. Холодную и исключительно одинокую. С тех самых пор, как Евгения наконец-то поняла, что жизнь подружки воздухоплателя столь же эффектна, сколь опустошительна. Дитя в корзине шара не родишь. И даже не зачнешь, хотя, было дело, пы-

тались они с Левушкой.

От воспоминаний пробрала дрожь. А может быть, простыни настыли. Вот странно: кругом жара, а постель как лед.

Сон улетучился напрочь. Когда хочется плакать, какой тут сон? Хотя плакать вроде бы особенно не с чего. Они ведь не ссорились со Львом, не прощались навеки. И он сегодня звонил. И обещал, что опять позвонит скоро-скоро. Почему же ее повергла в такую тоску эта запись? Не надо было смотреть. «Старым снам затерян сонник, все равно, сбылись или нет!» И это правильно, правильно. Но так вдруг захотелось его увидеть.

День тяжелый выдался, вот в чем дело. Вернее сказать, дни тяжелые. А с трудностями бороться Евгения, как показывает жизнь, совершенно не умеет. Стискивать душу, когда в порядке все прочее, еще как-то получается, ну а если нарушается и гармония внешнего мира, тогда внутренний просто-таки идет вразнос. Нет, женщине прямо-таки необходимо иногда поплакать. Быть сильной все время – *невыносимо*. Нужно хоть изредка свернуться клубочком и к кому-то прижаться. И чтобы тебя обнимали при этом и легонько целовали в висок. Но не мама должна это делать, не дочка, потому что ты знаешь, что даже в слезах, ослабевшая, ты сильнее их всех, вместе взятых, тем паче что дочери у Евгении отродясь не было, а мама живет в другом городе. Нет. Это должен быть мужчина, и не какой-нибудь Грушин, хотя он – ого, только мигни! Нет, только тот, другой... летун, от которого сама же

и сбежала.

И все вернулось к исходной точке: бесполезно спорить с унынием, Женя и пытаться не стала. Уткнулась в подушку, горько заплакала и постепенно забылась тяжелым сном.

* * *

На другой день Евгения пришла в манеж пораньше. Хотела повнимательнее присмотреться к девушкам, пока нет Климова, проследить за их реакцией на его появление. Но не выплакала вчера, видать, Женя ни самомалейшей поддержки от судьбы! Даже в такой малости, как служебные успехи, ей было отказано. Алиса, чуть завидев, налетела, как хищная птица, и, не сказав ни одного доброго слова по поводу черных леггинсов, сменивших злополучные шорты, уволокла ее чистить коня: «А вы как думали? Только развлекаться, что ли?»

Женя, собственно, ничего не имела против. Неоседланный серый Лоток показался ей куда симпатичнее, чем вчера. Грива его оказалась заплетена в косички.

– Домовушка старается или сами балуетесь? – пошутила Женя и удивилась тревожному выражению, промелькнувшему в Алисиных глазах.

– Нет, не мы. Никак не можем разобраться, кто развлекается. Может быть, подметальщики: они у нас меняются каждые две недели, а то и чаще.

– Почему?

– А, зарплата никакая, вот и нанимаются всякие бомжеватые – лишь бы перебиться. Но и они быстро уходят: у нас в конюшнях не разрешают курить, они не выдерживают. Да, собственно, от них больше неприятностей, чем толку. То инвентарь сопрут. То напьются в конюшне. Дядя Вася и Ваныч еще туда-сюда, аккуратные. Денники моют как полагается. А лошадей чистим мы сами, ну и клиенты. Ничего, это даже приятно. Вам понравится.

Жене понравилось. Лоток был такой гладкий, такой красивый. И пахло от него хорошо, весело как-то. Сначала он подозрительно косился лиловым, будто слива, глазом, пока Женя приноравливалась к скребнице и щетке, а потом под сильными круговыми движениями прижмурился, начал прядать ушами.

– Пыли в тебе что в старом диване, – ласково бормотала Женя, водя щеткой по груди Лотка и уворачиваясь от мягких губ, тянущихся к ее волосам. Может быть, конь решил, что это сено?

– Нравится ему, нравится, – благостно кивнула Алиса. – Видите, ушками стрижет? Самый верный признак, что ему приятно. Как если бы собака виляла хвостом, а кошка мурлыкала. Ну, давайте седлать, хватит ему нежиться.

Тут выяснилось, что забыли вальтрап – такую штуку, подкладываемую под потник, – и Алиса побежала за ней в каптерку. Женя по-прежнему водила по Лотку щеткой, стара-

ясь закрепить в нем положительные эмоции, чтоб не начал упражняться над ней, как вчера. Одновременно разглядывала сквозь сетку лошадей в соседних денниках. Конечно, это были отнюдь не элитные породы, но Жене они казались неотразимыми. И лица у них – просто язык не поворачивается сказать морды! – какие тонкие, изысканные. Правильно говорил поэт: «Лицо коня прекрасней и умней!»

«На месте художников я рисовала бы только лошадей, – подумала Женья. – Нет, еще облака. Облака и лошадей, летящих между ними, как...»

«Как воздушные шары», – подсказал чей-то ехидный голос. Частенько приходилось его слышать: ведь это был ее собственный внутренний голос. Да, от себя не убежишь.

На счастье, появилась Алиса с вальтрапом, больше похожим на обыкновенную синюю тряпку, и процесс седлания оказался именно тем, что нужно было Евгении, чтобы прийти в себя.

А положительные эмоции у Лотка и впрямь закрепились немножко! Сегодня он худо-бедно слушался отчаянных Жениных шенкелей. Правда, удовольствия от этого она испытала меньше, чем надеялась: со вчерашнего дня жутко ныли мышцы ног, а уж мягкое место – спасу нет! Женья с завистью поглядывала на остальных девушек, которые лихо колотились своими твердыми задиками о седла – и хоть бы хны! Все дело в привычке, конечно. Может быть, у них закружились

бы головы в корзине воздушного шара, парящего в немыслимой голубой высоте. А вот у Евгении не кружилась!

Тут она обнаружила, что Лоток, словно поддавшись ее внезапной меланхолии, стоит посреди манежа, рядом с невысоким тренировочным барьером, будто решая: прыгать через него или нет?

– Э, вам еще нельзя! – раздался веселый голос, и Лиза, гонявшая по кругу гнедого конька, натянула поводья рядом с Женей. – Рановато!

– Вы мне льстите, – усмехнулась та. – Лоток всячески оберегает меня. Я даже не могу заставить его ускорить шаг, какие уж тут прыжки.

Лиза взглянула на нее испытующе, и у Евгении мелькнула вороватая мысль, что девушка отлично понимает, зачем неловкая всадница таскается в манеж. Конечно, это была полная чепуха, потому что через мгновение в глазах Лизы не осталось никакого напряжения, только приветливая улыбка.

– Ну, ну, Лоточек, чего это ты разленился? – напористо сказала Лиза, и Евгения невольно восхитилась ее смуглой, диковатой красотой. – Слушаться надо. Не хочешь? Ну и дурак. А вы возьмите палочку.

И Лиза показала Евгении тоненький прутик сантиметров пятьдесят длиной.

– Ему не будет больно? – спросила та с опаской.

– Да вы что? – засмеялась Лиза. – У него знаете какая толстая шкура? Это для него так, легкая щекотка. Если, напри-

мер, вы хотите приласкать коня, то гладить его бесполезно: это не кошка, он ничего не почувствует. Надо крепко похлопать по шее. А чтобы причинить боль... – Лиза покачала головой. – Держите хлыстик. Увидите, дело сразу пойдет лучше, этот увалень вмиг оживет.

Она протянула Жене прутик, и та беззаботно взяла.

– Нет, не поднимайте, не поднимайте! – предостерегающе воскликнула Лиза, но было уже поздно.

Сказать, что увалень Лоток ожил, значило ничего не сказать! Прямо с места он взял такой рысью, что Женя, резко взлетавшая над седлом при каждом скачке, только чудом возвращалась обратно. Она что было сил стискивала коленями лошадиные бока, чтобы удержаться, однако это были те самые шенкеля, крепости которых ей прежде так не доставало. Теперь они, похоже, получались как надо, потому что Лоток скакал все быстрее.

– Остановите коня! – вскрикнула Лиза, но Лоток не останавливался. – Поводья, поводья натяните!

«Ах да, поводья!»

Женя вскинула руки с зажатыми в них поводьями, и Лоток, как ни странно, послушался, приостановил свой вполосенный бег.

Лиза подскакала, встревоженно заглянула Евгении в лицо.

– Ой, да ведь нельзя палочку над конем заносить, – сокрушенно сказала она. – Похлестывайте по бокам, и все. Я не

успела предупредить, вы уж извините. Испугались?

– Нет, – сказала Женя и удивилась, поняв, что это правда. – Но мне все время казалось, что при следующем скачке я не вернусь обратно в седло.

– Привыкнете, – улыбнулась Лиза, наклоняясь к ней. – Только вы поводья так не распускайте, перехватите, они слабо натянуты.

Она провела худым смуглым пальцем по Жениной руке, и та близко увидела ее четкий профиль с длинной серебряной серьгой.

И невольно отпрянула.

Лиза бросила быстрый взгляд исподлобья и тут же выпрямилась, отстранилась:

– Вот так и держите кулачок, стаканчиком. И опустите руки на край седла, удобнее будет.

Она кивнула и, не оглядываясь, повела своего гнедого в галоп по кругу. Изящная фигура, крепкая посадка, черная волна волос летит за плечами – амазонка, ну истинная амазонка.

Вот именно!

Итак, Лизу смело можно вычеркивать из списка гипотетических климовских подружек. То есть он может сколько угодно на нее заглядываться, но его шансы ниже нуля. Эта серьга в правом ухе, серьга в виде двустороннего топорика... Вчера Женя ее просто не заметила, не то сразу отставила бы Лизину кандидатуру. Ведь это не простая серьга – это изоб-

ражение лабирис, «подруги лабирис», двусторонней секиры амазонок. Вернейший атрибут лесби. Вот так номер!

Женя покачала головой, но тотчас приняла самый беззаботный вид. Не надо обижать Лизу придурковато-изумленным выражением лица. Она безошибочно оценила реакцию Жени на поглаживание руки, на эту серьгу. Каждому свое!

Сегодня было не так одурающе жарко, как вчера, и народу в манеже все прибавлялось. С трибун наблюдали десятка два зрителей. А Климов все не появлялся. Балтимора, любителя лягаться, тоже не было видно: его, наверное, оставляют для постоянного клиента.

– Алиса, скажи там, чтобы ворота закрыли, – приказала Света, водившая на корде игривую кобылку. – Уже восьмой час, вряд ли кого-то сможем принять. Пока почистят, пока оседлают, времени покататься не останется.

– Я схожу, – предложила, легко спешившись, Маша. – Мне как раз позвонить нужно.

Женя задумчиво проводила ее взглядом. А если Маша побежала звонить Климову? Скажем, забеспокоилась, что его нет. Это никак не сочетается с результатами вчерашней слежки, однако мало ли что было вчера. Ведь Маша – единственная из тренеров, с кем у Климова что-то может быть.

Итак, не пойти ли незаметно за ней, не послушать ли, что за разговор произойдет? Тем более что оплаченное время уже истекло. А вдруг Климов прямо сейчас появится?

Внезапно раздался окрик:

– Лоток! Ваше время вышло. Будете доплачивать? – Суровая Света спохватилась!

Лоток, даже поименованный на «вы», такого желания не выразил. А Женя посмотрела на часы. До закрытия манежа полчаса, вряд ли Климов придет. И ворота заперты. Пожалуй, сейчас лучше все-таки добежать до каптерки и попытаться услышать, с кем будет беседовать Маша.

– Нет, на сегодня хватит, – ответила она, с интересом поглядывая на правое Светино ухо. Никаких серег. А все-таки Женя не может теперь избавиться от известной подозрительности. – Коня отвести в денник?

– Нет, я сама покатаюсь, – с удовольствием сказала Света. – Пусть Лоточек немного попрыгает, а то он второй вечер как неживой.

Это была рассчитанная плюха в адрес неуклюжей всадницы, но Евгения стерпела ее почти с удовольствием: женщины и должны не любить женщин, так задумано природой.

– Эй! – окликнула Света уже с седла. – А поощрить Лотка?

И правда! Женя растерянно оглядела барьер, ограждающий манеж, ища сумку. Там яблоко. Лотка обязательно нужно угостить – и в знак признательности, и закрепляя все те же положительные эмоции.

– Наверное, вы сумку около денника оставили, – подсказала догадливая Алиса. – Идите через боковую дверь, здесь до конюшни рукой подать.

Эх, жаль, каптерка совсем в другой стороне! Но делать нечего: если она не угостит Лотка, то упадет в глазах тренеров ниже низшего. А ее рейтинг здесь и так почти на нуле. Значит, в первую очередь – Лоток.

Она вбежала в конюшню и сразу услышала сердитое ржание. Один из коней, наверное, негодует, что его не вывели покататься. Может быть, Балтимор переживает, что Климов не пришел? Ого, как злобно ржет, чуть ли не рычит. У коней, оказывается, тоже бывает неважное настроение.

А вот и сумка – лежит себе под охапкой сена. Женя наклонилась – и чуть не упала от неожиданности, так загрохотали конские копыта по металлической стенке денника. Да это Балтимор неистовствует!

– Ты что, сдурел? – прикрикнула она строго и погрозила оскаленной морде, приткнувшейся к сетке.

С конем что-то неладно. С чего это он выкатывает налитые кровью глаза и хватает желтыми зубами сетку? И морда в пене. Не взбесился ли? А какую пыль копытищами поднял! Так и садит ногами – не дай бог сейчас оказаться позади него.

– Балтимор, Балтик, – сладким голосом запела Женя, пытаясь успокоить коня. – Чего ты так разоряешься?

Странно, что никто не идет на шум. Хотя в манеже ничего не слышно, а каптерка далеко. А уборщики, эти бомжи, о которых говорила Алиса? Правда что бомжи – их нет и следа.

– Балт, Балтик! – Женя вытащила из сумки яблоко. – Хо-

чешь?

Бросила яблоко на пол и слегка нажала сверху подошвой, чтобы разломилось. Коням трудно жевать твердое и круглое, это она усвоила со вчерашнего дня. Тем более что у Лотка во рту трензеля. Ему достанется половина. А второй, может быть, удастся утихомирить Балтимора? Как бы чего-нибудь не повредил себе от злости!

Евгения опасливо протянула к сетке руку с расплюснутым яблоком. Балтимор перестал ржать и раздул ноздри.

– Ах, молодец! – обрадовалась Женя – и замерла, услышав слабый стон, долетевший из денника.

Подскочила к дверце.

– О господи!

В углу, на полу, под самой стенкой, скорчилась человеческая фигура. Синяя рубашка, бриджи... Климов!

Лежит, прикрывая голову рукой. Неужели Балтимор достал-таки копытом?

– Климов! – крикнула Женя и рванула дверцу денника. Две мысли ударили враз: что это может быть опасно, если Балтимор вздумает перенести на нее свою ярость, и что дверца почему-то не открывается.

Дернула еще раз. Ох, да это ведь щеколда упала!

Женя с усилием подняла ее, и дверца сразу распахнулась. Балтимор ринулся к выходу. Да и черт с ним, пусть бежит. Куда он денется? Через забор не перескочит, а устанет, так

успокоится. Не то наверняка забудет бесчувственного Климова до смерти, да и Жене перепадет. Беспомощность жертвы, говорят, пьянит не только хищников, а Балтимор далеко не овечка.

Женя отскочила под защиту дверцы и, подхватив валявшуюся на полу метлу, выставила ее вперед, будто вилы. Довольно хилое оружие!

К счастью, дуэль не состоялась: Балтимор вымахнул из денника и поскакал по длинному коридору конюшни, задрал хвост и яростно мотая головой.

«Господи, что же я натворила! – От ужаса Евгению даже шатнуло. – А вдруг он взбесился и на кого-нибудь нападет?»

Но сейчас главное – Климов.

Вбежала в стойло, приподняла обмякшее тело. Да, без сознания, но вполне жив. И даже приходит в себя. Попробовала протащить его по полу и охнула: какой тяжелый!

– Климов, да Климов же! – От волнения Женя забыла имя собственного клиента. – Вы можете встать? Очнитесь!

Климов с трудом приподнял веки.

– От... кройте... – слабо шевельнулись губы. – Выпустите...

– Все уже открыто! – Женя продолжала тянуть что было сил. – Вставайте скорее! Надо выйти из денника!

Она сама не понимала, почему так спешит. Наоборот, теперь, когда ошалелый конь удрал, в деннике было совершенно безопасно. И если запереться, то Балтимор, вздумай он,

к примеру, вернуться, уже не зайдет. А тем временем и помощь подоспеет.

Все правильно, но Женя буквально кожей ощущала страх Климова. И, как ни странно, страх Балтимора. Запах этого страха все еще витал здесь. Конь чего-то напугался, до смерти напугался, вот и ошалел. Этот запах – как зараза, Женю вон тоже трясет. И лошади в соседних денниках начали беспокоиться. Нет, надо выбираться отсюда. К тому же Климову срочно нужен врач.

– Ну, попробуйте встать, пожалуйста, я вас не подниму! – молила жалобно.

– Хо-ро-шо, – простонал Климов и неуклюже стал на четвереньки, но резко вскрикнул, когда Женя обхватила его обеими руками.

– Что?! – испугалась она.

– Похоже, ребро сломано. Ладно, плюньте, – тяжело выдохнул Климов. – Пошли.

«Пошли» – это громко сказано. Кое-как они проволоклись жалкие пять-шесть шагов до двери и вывалились в коридор. И тотчас Климов тихо вскрикнул и обмяк, выскользнул из Жениных рук на пол, потеряв сознание.

И было от чего!

Прямо за дверцей стоял неслышно подошедший Балтимор – молчаливый и неумолимый, будто карающий мститель.

– Ну... тварь, – прошептала Женя, опускаясь рядом с Кли-

мовым и бестолково шаря по полу в поисках какого-нибудь оружия. Эх, метлу зря бросила!

Рука попала во что-то мокрое, и Женя брезгливо передернулась. Оскаленная морда Балтимора нависла над ней, нетерпеливо стукнули желтые зубы.

«А лошади больно кусаются?» – успела подумать Женя и вдруг обнаружила, что длинные зубы тянутся вовсе не к ней, а к валявшемуся на полу раздавленному яблоку.

Ни жива ни мертва, Женя смотрела, как мягкие губы подбирают все до крошечки, потом нашаривают вторую половинку. «А Лотку не хватит», – мелькнула мысль.

– Эй! Что такое? Кто выпустил Балтимора?! – раздался возмущенный крик.

Маша! Бесстрашно подбежала, что есть силы хлестнула прутом по рыжему запылившемуся боку, закричала, как на собаку:

– А ну, на место!

Балтимор с виноватым видом заскочил в денник.

Женя смотрела на него широко раскрытыми глазами. Будто подменили коня! Если бы не Климов, распростертый на полу, она бы не поверила в то, что здесь происходило.

– Ух ты... – Маша потрясенно нагнулась. – Балтимор задел?! Вот видите, шпоры нацепил, а с конем обращаться ни черта не умеет! Погодите, не трогайте его, я сейчас за медсестрой...

Она пулей вылетела из конюшни.

«Да, – устало вздохнула Женя. – Кажется, Машу тоже можно вычеркивать».

* * *

«На смерть, как на солнце, во все глаза не глянешь...»

Какая спокойная мудрость в этих словах. И сколько в них ужаса, от которого волосы начинают шевелиться! Да, отворотись, человек, не бахвалься бесстрашием и своей бессмертной душой, не пытай судьбу – склони покорно голову, прикрой глаза. Смирись, живи, что означает – стой на своем берегу и даже не подступай до срока к этим вечным водам, не заглядывай в них, ибо глубоки они, тяжелы они, как свинец, не выплыть из них никогда...»

Из дневника убийцы

* * *

Грушин отвернулся от Евгении и начал перебирать конверты. Конверты стояли в выдвижных ящичках, а ящички являлись как бы частью самой стены. Смотришь, стена да и стена, нет в ней ничего особенного, но вот попросит Грушин отвернуться на секунду, а там уже возникают стеллажи. Стенка была с тайничком, но Грушин клялся, что не строил

его, а как бы в наследство получил от прежнего хозяина. Лет десять назад в этой комнате размещался партком крупного проектно-транспортного института. Со временем институт обнищал, потерял заказы и сотрудников, так что начальство жило теперь только на арендную плату. Судя по размерам здания и количеству арендаторов, жило припеваючи. Очень может быть, что, кроме бывшего владельца грушинского кабинета, никто и знать не знал о тайнике. Грушин уверял, что случайно обнаружил его во время ремонта, когда оклеивал стены обоями (хобби такое у него было). Секрет замка хранил свято, однако доподлинно было известно, что там лежат досье на всех бывших и потенциальных клиентов «Агаты Кристи», а также на ее сотрудников. И хотя сейчас Грушин надежно загораживал сейф, Евгения не сомневалась, что начальник открыл крафтовый конверт с ее фамилией и перебирает вложенные туда бумаги. Зачем он это делает и что там, собственно, написано, Евгения могла только гадать и потому чувствовала себя так, будто сидела на еще не остывших углях.

Наконец Грушин закрыл сейф и обернулся с таким злобющим видом, что уголья немедленно затлели.

– Я давно хочу дать всем своим сотрудникам кодовые наименования, – буркнул он. – Как смотришь, если тебя назову Белой Дамой?

– А почему? – простодушно удивилась Женя, но тотчас до нее дошло, и уголья запылали вовсю.

Белая Дама... Призрак, классическое английское привидение, которое является людям перед смертью!

Кровь бросилась в лицо от незаслуженной обиды.

– Да, – Грушин был явно удовлетворен результатом, – но сейчас ты скорее похожа на Красную Даму.

Ах, он шутил.

– Между прочим, Климов жив, – с нескрываемой ненавистью сказала Евгения. – И, чтоб ты знал, жив благодаря мне. Кстати, в отличие от тебя он это весьма прочувствовал, осознал и был глубоко благодарен.

– Ты что, виделась с ним? – нахмурился Грушин.

– С чего бы это? Нет, в тот же вечер, когда медсестра привела его в чувство и побежала вызывать «Скорую», он вспомнил, как я его из денника вытаскивала. Конечно, бедняга здорово перепугался. Главное, понять не может, что вдруг с конем случилось. Говорит, они с Балтимором всегда были в наилучших отношениях, а тот набросился на него как бешеный. Ни с того ни с сего. Климов его чистил – и вдруг...

– Может быть, боль причинил?

– Может, и так, – согласилась Женя. – Только уж я не знаю, какая это должна быть боль. Кони все-таки не кошки. Нечаянно, скребницей и щеткой, им боль не причинишь.

– А если нарочно?

– Ну, это самоубийство, – уверенно возразила Евгения. – В запертом деннике нарочно разъярить коня?!

– Откуда же ему было знать, что денник заперт? – с невин-

ным видом возразил Грушин. – Не хочешь же ты сказать, что он сам эту щеколду опустил?

– Да никто ее и не опускал. Мы с девочками потом прикинули, как это могло произойти. Двери металлические, довольно прочные, но, если молотить по ним так, как молотил Балтимор, они ходуном ходят. Щеколда и упала. Такое бывает. И бывало! Изнутри ее легко поддеть рукой, открыть, но Климов просто не мог до двери добраться. Он вообще помнит только первый удар – в живот. А потом без сознания был. Ему здорово досталось. – Она не сдержала дрожи в голосе.

– Правда, что ли, испугалась? – недоверчиво спросил Грушин.

– Не знаю, – честно призналась Женя. – Потом, уже в медпункте, меня немножко затрясло. А там – вряд ли. Если испугалась, то за Климова. К тому же Балтимор как увидел яблоко, так сразу присмирел.

– Может быть, он яблоко выпрашивал? – хмыкнул Грушин. – Климов не дал, ну, конь и разошелся.

– Черт его знает, с чего он разошелся, – дернула плечом Женя. – Девочки говорят, может быть, там ласка была, в деннике...

– Ласка?! – Грушин прищурился. – Хочешь сказать, Климов любовью там с кем-то занимался, на глазах у Балтимора, а тот взбесился, как полиция нравов? Интересный вариант! Кстати, вот и подтверждение анонимке. Кто из тренеров в это время отсутствовал?

Женя помолчала, переваривая директорский юмор. Вот уж правда – у кого что болит. Грушин стал настоящим сексуальным маньяком! Но ответила она вполне спокойно:

– Да, вариант и впрямь интересный. Но только ласка – не тренерша, это зверек такой. Говорят, в старину, когда кони у какого-то хозяина начинали болеть или с тела спадать, считалось, что их невзлюбил домовый или дворовой, а потому гоняет и мучает по ночам. Но дело было в ласке. Если она повадится на конюшню, пиши пропало. Лошади ее духа не переносят, бесятся диким образом.

– Высоково, конечно, на окраине города, но таежных массивов я там не видал, – перебил Грушин. – Откуда взяться ласке?

– Ниоткуда, – согласилась Женя. – Не исключено, что это была кошка. Некоторые лошади кошек видеть не могут: аллергия у них на шерсть, что ли? Есть даже старинная примета: не перевозить в седле кошку, потому как лошадь из-за этого хиреет.

Грушин даже головой покачал:

– Ну, скажу я тебе... Крепко же ты подковалась теоретически!

– Это меня на конюшне подковали, – хихикнула Женя. – Девчонки. Есть там такая Алиса – она жутко суеверная, напичкана всякими байками. Пока «Скорую» ждали, перекинулись парой слов. Кони также на запахи остро реагируют. Например, говорят, пришла в манеж тетка, которая на себя

полфлакона цветочных духов вылила. Ни один конь ее к себе близко не подпустил. Больше она там не показывалась. Но Климов хоть и франт, однако не дурак. Употребляет самую легкую туалетную воду, к вечеру от нее и следа не остается.

– Проводила, значит, следственно-разыскные мероприятия? – насторожился Грушин. – Опять светилась, да?

– Почему сразу – светилась? – вспыхнула Женя. – Мне и проводить ничего не нужно было, девочки сами говорили. Они ужасно беспокоились, ведь техника безопасности нарушена. Конечно, Климова в стойле нельзя было одного оставлять, без тренера. Но он чуть ли не год в манеж ходит, стал своим человеком. А в тот раз, говорит, задержался на работе, пришел поздно, на конюшне никого. Он понял, что девочки все заняты, и решил оседлать коня сам, чтобы никого не беспокоить. До конца рабочего дня оставалось всего полчаса, не хотел время терять.

– А что теперь будет с этими тренершами и конем?

– Да ничего не будет. Климов считает, что был неосторожен, – значит, сам виноват, больше никто. Так и есть. Поэтому только справедливо, что он никакого дела затевать не хочет. Знаешь, я его даже зауважала, – смущенно призналась Евгения. – Сначала-то он мне жутко не понравился: такой англазированный джентльмен, корчит из себя героя Дика Фрэнсиса. А в этой истории держался классно. Он, оказывается, с детства мечтал стать жокеем. Сейчас у него, кстати, «Форд Мустанг» – дань той детской мечте. Но жил он на

Дальнем Востоке, а там такой возможности не было. Единственное, в чем повезло, – играл роль жокея в каком-то студенческом театре. Причем жокея битого-перебитого, который под копыта падал, кости ломал – ну, словом, не раз уходил от смерти и все такое. И Климов сказал, что только теперь понял, как надо было эту роль играть. И смеялся при этом, хотя, если ребро сломано, даже смеяться больно. Нет, он молодец!

Тут Евгения заметила ревнивую вспышку в грушинских глазах и поубавила энтузиазма:

– А что касается моего задания... Конечно, я очень мало в манеже пробыла, но почти не сомневаюсь: никто из этих девочек Климову не нравится. Там он совершенно самозабвенно увлечен верховой ездой, это его, извини за каламбур, конек, больше ничего не интересует. А тренершам Климов с его дурацкими шпорами вообще был профессионально антипатичен. Раньше, конечно, – сейчас-то они все наилучшие приятели! Никакими романами там и не пахнет. Зря мадам Климова поверила анонимке и позвонила тебе.

Грушин глянул исподлобья.

– Зря, говоришь? – повторил задумчиво. – Ну что ж, возможно, и зря.

Грушин стремительно прошел через приемную, бросив секретарше:

– Предупреди Сталлоне, что я к нему с гостьей.

Женя оглянулась на непривычно угрюмую Эмму, но сейчас было не до разговоров: побежала чуть ли не вприпрыжку за начальством.

«Агата Кристи» занимала на длинном этаже всего шесть комнат. В пяти из них Евгения бывала довольно часто, а в шестой – ни разу. Беспрепятственно войти туда могли только двое: сам Грушин и заведующий экспертным отделом Миша Кисляков. Этот кудрявый брюнет атлетического сложения был поразительно похож на знаменитого голливудского актера. Его так и звали в агентстве: Миша Сталлоне.

В отличие от своего киношного двойника Миша качал мышцы только на тренажерах и только в целях поддержания своего сногшибательного имиджа. Девушки висли на нем гроздьями, знай успевай стряхивать. При этом он был умнейшим парнем, который больше всего на свете любил мир звуков. И даже не музыкальных, а звуков человеческого голоса. В «Агате Кристи» Миша Сталлоне основал отдел фотоскопической экспертизы. То есть работал с отпечатками голосов так же, как дактилоскопист – с отпечатками пальцев.

Конечно, такие лаборатории существуют при экспертно-криминалистических отделах УВД. Но далеко не во всех городах. И туда никак не пробиться частным сыщикам, особенно если дело разрабатывается без привлечения милиции. К примеру, налицо телефонный шантаж, а клиент настаивает на секретности, зная, что рыльце у него в пушку. Словом, Грушин считал лабораторию Миши Сталлоне золотым фон-

дом «Агаты Кристи».

В это святилище Миша не допускал никого без санкции Грушина и даже на Евгению покосился с некоторой долей подозрительности. Даром что они все трое учились когда-то на одном юрфаке, пусть и на разных курсах, даром что пытался клеиться к ней в свободное от работы время! Хотя кто к ней только не клеился, да все без толку.

– Она позвонила мне на другой день после того, как Климов попал в больницу, – торопливым шепотом объяснял Грушин, пока Миша Сталлоне проверял и готовил к экспертизе две магнитофонные кассеты. – Звонок был междугородный, но вызывала не телефонистка – по автоматике набирали. Сказала, что дозвонилась из Франкфурта. Якобы мать ей сообщила о несчастье, и она решила прекратить слежку за мужем.

– Ну да, – рассудительно кивнула Евгения. – Как ему теперь за тренершами бегать, когда ребро поломано? Он ведь еще в больнице. Или мадам решила за милосердными сестричками пошпионить?

– Климова, кстати, сегодня выписали, – уточнил Грушин. – Но в том-то и дело, что слежка должна быть совсем снята. Однако деньги заказчица отзывать не станет: за хлопоты, мол. Муж и так наказан, в манеж он теперь не скоро сунется. И самой стыдно стало, что анонимщику поверила. Мол, тогда вгорячах позвонила мне, а потом рассудила, что не стоит губить пятнадцатилетний брак из-за случайной

оплошности, тем паче недоказанной. Надо уметь прощать и все такое прочее.

– Ну что же, в этом есть свой смысл, – согласилась Женя. – Чего же ты беспокоишься, не понимаю? И почему решил, что заказ делала не Климова?

– Миша, ты готов? – вместо ответа спросил Грушин, и Сталлоне кивнул. – Тогда включай.

Миша вдавил палец в клавишу магнитофона, и из динамика послышался взволнованный женский голос:

– Это «Агата Кристи»? Это сыскное агентство «Агата Кристи»? Я хочу, чтобы вы немедленно начали следить за моим мужем. Я получила информацию, что он... что он...

Содержание этой речи Евгении было уже знакомо: Валерия Климова заказывает слежку за Сергеем Климовым.

Приятный голос. Немножко торопливый, с характерным нижегородским аканьем и даже яканьем. Очевидно, Климова – коренная нижегородка. Эти ее «без десять шесть» вместо «без десяти» и «неужели!» вместо «да» или «конечно» очень характерны.

Запись кончилась, Миша Сталлоне запустил вторую пленку.

– «Агата Кристи»? Вы меня слышите? Алло, алло?

– Слушаю вас внимательно.

Голос Грушина. Такой спокойный, внушающий доверие, обнадеживающий.

– Это Валерия Климова говорит, если вы меня еще

помните. Алло! Да что такое? Знаете, я из-за границы звоню, из Франкфурта, так что, если связь вдруг прервется, вы, пожалуйста, дождитесь, когда я снова перезвоню, хорошо?

– Разумеется, – солидно соглашается Грушин. – Ни о чем не беспокойтесь.

– Я хочу аннулировать свой заказ, – выпалила Климова.

Евгения невольно улыбнулась: терминология деловой женщины. И манеры – тоже. Сразу берет быка за рога. Привыкла самостоятельно принимать решения и делать неожиданные шаги. В голосе одновременно ощущается и мягкость, и властность. Пожалуй, в этой семье главенство мужа – вещь довольно сомнительная, особенно если вспомнить, как взволнованно ждал Климов телефонного звонка. Однако весьма часто мужья погуливают именно от властных жен. Находят себе милую девушку или молоденькую разведенку с покладистым нравом, мягкую, нетребовательную, и чувствуют себя с ней сильными повелителями. А Климов сублимируется в манеже. Между прочим, этим можно объяснить его высокомерное поведение, его вызывающую посадку. В первую очередь отрады истинного джентльмена, ну а женщины, как водится, потом! Конечно, только верховая езда влекла Климова в манеж, романом там и не пахло.

– И что тут такого особенного, почему ты решил, что это не ее голос? – спросила она, дослушав запись.

– Минуту, – загадочно усмехнулся Грушин и достал из кармана третью кассету. – Теперь послушаем вот это.

Кассета была крошечная – от карманного диктофона. И запись, похоже, велась на изрядном расстоянии от источника звука: женский голос звучал приглушенно, как бы смазанно:

– ...Да плевать мне на все эти глупости, разве не понятно? Ну, съезжу через неделю туда, какое это имеет значение? Что я, лягушка холодная? Родной муж весь поломался – не могу я там сидеть! Мама не поверила: ты возвращаешься, что ли? А я: неужели?! Сережка, тебе очень больно будет, если я тебя обниму?

– Попробуй. Тебя же все равно не остановишь. Только извини, если я буду целоваться со стоном.

Голос Климова. Но совсем другой, чем помнит его Женя. Не через губу цедит, как обычно. Голос любящего человека. Счастливого.

– Ну, потом они начали целоваться, шептаться и все такое. – Грушин сделал знак выключить запись. – Там уже совсем не разбери-поймешь. И это в больнице... неймется людям. Хорошо хоть, что палата отдельная благодаря любящей теще, которая там трудится в нейрохирургии, что ли. А скажи, ты ничего не заметила странного в этом разговоре?

– Кроме самого Климова, ничего, – честно призналась Женя. – Он опять предстал совершенно другим.

– А как насчет голоса Валерии?

– Ну, лексика теперь другая, интонации тоже. Так ведь и настроение иное! Однако этот ее выговор, эти «без пять», «неужели» – очень характерные признаки.

– Ну да, – тихонько усмехнулся Миша Сталлоне, – она их очень усердно педалировала, не правда ли?

– Вы что, ребята, хотите сказать, будто с Климовым ворковала вовсе не его жена? То есть Грушин все-таки установил факт адюльтера?

– О нет! – Грушин с хитрым видом покачал головой. – В том-то и дело, что нет. С Климовым ворковала, как ты говоришь, его собственная родная жена, сломя голову примчавшаяся из Франкфурта, чтобы обнять обожаемого супруга, невзирая на его переломанные ребра. Я ее сам видел в больнице, и запись сделана мной.

– Ты в больнице был?! – вытаращила глаза Евгения. – У Климова?

– Не лично у него, но в непосредственной близости. Заглянул, сделал вид, что ошибся палатой. Заодно пристроил диктофончик в вазон с искусственной азалией, которых там наткано видимо-невидимо.

– Но почему ты туда вообще пошел, не понимаю?

– Думаешь, я понимаю? – легкомысленно сообщил Грушин. – Что-то *зацепило* меня в том, втором звонке, который якобы из Франкфурта. Не могу объяснить – *накатило*, и все.

Евгения и Миша Сталлоне переглянулись и враз глубоко-мысленно кивнули. Грушин любил говорить, что где-то на Парнасе живет десятая Муза – покровительница сыскного дела. Его она иногда посещала.

Короче говоря, Грушин инкогнито отправился навестить

Климова в больнице – и нос к носу столкнулся в его палате со своей заказчицей, которая этим утром якобы звонила ему из Франкфурта.

– Слушай! – вдохновенно вскричала Евгения. – А вдруг эта дамочка никуда не уезжала? Что, если она для отвода глаз нас наняла, а сама предавалась нечистым страстям, одновременно планируя...

– Одновременно планируя убийство своего мужа, – кивнул Грушин. – А рыжий Балтимор – это и есть наемный киллер. Дешево и сердито. Ты это хотела сказать?

Женя прикусила язык.

Миша Сталлоне, слушавший их разговор с живейшим интересом, пошевелил «мышкой», и на экране вырисовались три графика: синий, зеленый и красный. Синяя и зеленая плавно опадающие линии сливались так плотно, что их почти невозможно было различить. Красная же топорщилась резкими углами.

– Это определение частоты основного тона голоса, – пояснил Миша. – Синий и зеленый – записи по телефону. Красный – диктофон. Голос высокий – видишь, какие острые, частые углы? Телефонный – гораздо ниже, мягче. Как будто маятник качается: чаще или реже. Чем чаще, тем выше голос.

– Ну, я не понимаю, – растерянно сказала Женя. – Настроение, наверное, тоже оказывает влияние?

– Конечно, только к основному тону оно некасаемо. К

этим графикам мы еще вернемся, а теперь смотри сюда. – Он повернулся к самому большому монитору, где в трех углах мельтешили красные и зеленые квадратики. – Посмотрим на квадраты совпадений. Вверху телефонные записи, внизу – диктофонная. Смотрите внимательно.

Вверху с каждой секундой воцарялась все более интенсивная краснота. Внизу господствовал зеленый цвет.

– Совершенно ясно! – ткнул в экран пальцем Миша. – По телефону Грушину звонила одна женщина, а с Климовым в больнице обнималась совсем другая. Но которая из них его жена, это уж вы сами решайте.

– Больничная, – категорично заявил Грушин. – Я ее потом незаметненько до дому проводил. Проследовала по климовскому адресу – на автобусе, заметьте себе, хотя деньги мне якобы личный шофер привозил. Буквально через пять минут вышла погулять в компании двух пацанов и фокстерьера. Дети и собака тоже климовские. С балкона им махала климовская же теща, похожая на эту даму как две капли воды, если только капли могут стареть.

– А младшая капля не блондинка? – Миша Сталлоне задумчиво разглядывал красный график. – Ей за тридцать, лицо круглое, челюсть тяжеловатая, щеки пухлые, рот большой, нос башмачком?

На лице Грушина появилось выражение ужаса.

– Чушь какая. Ты не фоноскопист – ты патологоанатом! Эта Валерия Климова – такая веселая очаровашка. Чудные

белокурые волосы, синие глаза, яркий чувственный рот.

– Ну я же и говорю – большой рот, – нетерпеливо перебил Миша. – Я не про общее впечатление спрашиваю, меня отдельные черты интересуют. Подумай, вспомни.

Грушин послушно задумался, и чем дольше он думал, тем более унылым становилось его лицо. В конце концов пришлось признать, что носик у Валерии Климовой коротковат и у основания, увы, приплюснут – правда что башмачком! И с челюстями вопрос сложный.

– Да ты не переживай так! – засмеялся бессердечный Миша Сталлоне. – Подумаешь, эстет! Вон Женечка у нас какая хорошенькая, просто фотомодель, но если посмотреть на график голоса...

– Спасибо, не надо. Я лучше сразу признаюсь, что в детстве мне удалили аденоиды, – пробурчала Женя. – В анкетах я об этом, правда, не пишу.

Внезапно она умолкла, осененная догадкой, и даже не сразу смогла заговорить снова:

– Мишка! Если ты облик настоящей Климовой угадал, значит, и ненастоящую описать можешь?

– Наконец-то хоть до кого-то дошло, кто является истинным сокровищем в этой конторе, – проворчал Миша. – Вот если бы мы в ФБР служили... Там, я в кино видел, на каждого гражданина Штатов имеется не только дактилоскопическое, но и фоноскопическое досье. Ну а мы имеем то, что имеем, поэтому дадим некоторую волю воображению. Разу-

меется, я могу подробно описать этот длинноватый нос и тонкие губы, однако вы с криком ужаса кинетесь прочь. Если останавливаться на отдельных чертах, получится настоящая Баба Яга. А если говорить об общем впечатлении... ищите, господа, роковую брюнетку лет сорока пяти. Ищите роковую брюнетку!

Помнится, Женя слышала такой анекдот. Муж возвращается домой, а жена ревниво заявляет:

«Тебе звонили!» – «Кто?» – «Какая-то белобрысая фифа с кривыми ногами!»

Выходит, эта неведомая супруга оказалась так же проницательна, как и фоноскопическая экспертиза Миши Сталлоне. Как говорится, в каждой шутке есть доля шутки.

Роковая брюнетка, значит. И вдобавок землячка Сергея Климова!

Да, напоследок Миша огорошил еще одним открытием: вывел на экран четвертый квадрат, обозначающий климовскую речь, и принялся уверять, что субъективный анализ доказывает: и он, и таинственная заказчица родом скорее всего с Дальнего Востока.

– Я служил в Хабаровске, – пояснил Миша. – Еще тогда удивлялся: приезжают люди с самыми разными диалектными особенностями, а через месяц-другой начинают говорить совершенно одинаково. Даже москвичи, с их тягучим, манерным аканьем. Даже ставропольцы, с их фрикативным «г»

и мягким акцентом. Только кавказцы не переделываются, но это вообще случай клинический. Разумеется, я не говорю также о деревнях, где испокон веков селились только украинцы или белорусы. Там национальные характеристики более живучи. Но в городах господствует речь нивелированная, очень чистая и четкая, с твердым полногласием, без оканья, аканья, чоканья и шоканья. Могу спорить на что угодно: ваша роковая брюнетка окажется хабаровчанкой по происхождению, как ни старается выдать себя за коренную нижегородку.

– А зачем ей вообще стараться? – удивилась Женя. – Откуда она могла знать, что Грушин раздобудет запись голоса настоящей Климовой?

Все дело, конечно, в этой записи. Если бы Грушин заговорил с Валерией Климовой о задании, а та начала делать большие глаза, он мог бы не поверить: ну, не хочет дамочка признаваться в ревнивых подозрениях – ее дело! Тем более что на слух голоса очень похожи. А с Мишиными выводами спорить трудно.

– Забавно, – сказал Грушин, открывая перед Женей дверь своего кабинета и непривычно сухо бросая Эмме: «Кофе!» – Это что же получается? Нас наняли только затем, чтобы ты спасла Климова?

– А что, неплохо, – улыбнулась Женя. – Может быть, его ангел-хранитель был в отпуске и на время передал мне свои функции.

Вошла Эмма. Швырнула на стол две чашки и удалилась, на прощание смерив Грушина убийственным взглядом.

– Что такое? – изумилась Женя. – Чем ты ее прогневил?!

– А, сказал пару ласковых! – отмахнулся Грушин. – Помнишь, я спрашивал тебя насчет одной пропавшей бумаги? Нашел ее сегодня совершенно случайно в мусорной корзине. Сам не выбрасывал. Кто еще мог, кроме Эммы? А ведь сто раз говорено: даже если что-то на полу в моем кабинете валяется, все равно не выбрасывай!

– А какая бумага? Что-то важное?

– Ничего особенного, конечно, – не без смущения признался Грушин. – Показания того бомжа, который видел убийцу Неборсина. Они нам, собственно, без надобности, дело в принципе.

– А, в принципе, – протянула Женя, даже не пытаясь скрыть ехидства, и тут же получила за эту вольность:

– Да, представь себе, в каждой работе существуют свои принципы! И если бы ты об этом помнила, сразу взяла бы у Балтимора кровь на анализ!

– Ты понимаешь, что говоришь? – Женя даже отшатнулась. – Брать у коня кровь! Да еще у такого буйного!

– Медсестру попросила бы, если сама трусиха, – не унился Грушин.

– Я просила, – угрюмо призналась Женя. – Но она еще больше меня трусиха. Сказала, что только для людей медсестра, а с конями работает ветеринар. Но его рабочий день

тогда уже закончился.

– А утром? – не мог успокоиться Грушин. – Тебе это, конечно, в голову не пришло, но вдруг, допусти такую мысль, Балтимору был впрыснут какой-то наркотик?

– Кем? – всплеснула руками Женя. – И зачем? Климова прикончить? Но с какой целью? Чтобы занять его место в магазине «Дубленки, кожа, меха»? А где гарантия, что Балтимор его до смерти забьет?

Она встала в любимую грушинскую позу – лицом к окну, руки за спину – и нехотя пробормотала:

– Ну, вообще-то, если хочешь знать, я утром приходила в манеж к ветеринару и говорила об анализе крови. Но они там и сами умные оказались, все уже сделали. Кровь как кровь, даже адреналин в норме – все-таки ночь прошла. Если и было что-то, к утру ни следа не осталось. Да я все равно убеждена: это случайность, несчастная случайность!

– «В природе все одно с другим связано, и нет в ней ничего случайного. И если выйдет случайное явление – ищи в нем руку человека», – процитировал Грушин. – Михаил Пришвин сказал. Так вот – мы с ним в случайности не убеждены.

– Это насчет щеколды – про руку человека, да? – фыркнула Женя. – Но я же тебе говорила, что мы с девочками проверили: она вполне могла сама соскочить!

– Хорошо, – покладисто кивнул Грушин. – Как скажешь! Щеколда упала сама. Случайно. Причем в тот момент, когда

случайно взбесился конь. Уже две случайности. А вот и третья: в деннике в это время оказался человек. Четвертую называть или сама догадаешься?

Женя медленно кивнула. Нечего гадать! Четвертая случайность в том, что именно Климова касался тот телефонный звонок.

– Знаешь, что меня больше всего настораживает? Этот звонок. Вернее, деньги. Сколько угодно найдется желающих деньги получить, но просто так отдать... ради чужого человека... Эта женщина знала или предполагала, что Климову будет грозить опасность, и хотела нанять для него охранника.

– Ну, из меня охранник... – смущенно хихикнула Женя.

– Она же не знала, что в манеж пойдешь ты. Небось думала, частный детектив – это как у Чейза: крутой мен с пудовыми кулаками.

Евгения невольно улыбнулась: общепринятое заблуждение! Когда Грушин позвал ее работать в «Агату Кристи», она сначала даже перепугалась: какой из нее частный детектив?! Несколько приемов карате-до, неплохая стрельба – вот и все. Правда, теперь, можно сказать, умеет верхом ездить.

Вот именно: можно сказать. А можно и не говорить.

– И все-таки наша заказчица своего добилась! Именно ты спасла Климова! – не без удивления признал Грушин. – И мы снова возвращаемся к исходной точке: предполагалась опасность! Именно поэтому я и говорю: случайностей в этом

деле нет. Так что, моя дорогая, придется все-таки искать роковую брюнетку.

Женя взглянула на него не без интереса:

– А придется – кому? Нам с тобой, что ли?

– Ну, у меня и так дел выше крыши, – отмахнулся Грушин. – А вот ты пока простаиваешь – ты и поработай. Но без чуткого руководства я тебя не оставлю. Кстати, говоришь, Климов был тебе благодарен? А как он это выражал?

Женя передернула плечами:

– Да уж и не помню, что он там стонал. Ему было больно, какие тут благодарности. Да и зачем они мне? Жив – и слава богу.

– Тогда прими первый руководящий совет: никогда не лишай человека возможности выразить свою благодарность! Заодно и сама удовольствие получишь.

* * *

«Царство мертвых – это реальный ирреальный мир, населенный как добрыми, так и враждебными человеческой душе существами, вселяющими в нас и надежду, и страх. Но сознательное исправление нашего деяния и мышления здесь, на земле, будет способствовать преодолению нашего страха перед ожидающим нас Там – в царстве мертвых – и укреплению надежды на избавление от адских мук и

страданий».

Из дневника убийцы

* * *

Оказаться ангелом-хранителем было приятно. И благодарность принимать – тоже. Грушин опять оказался прав!

Женя сидела в уголке дивана в тесной, но замечательно уютной климовской квартире и наслаждалась ощущением всеобщей любви к себе. Сегодня в этом доме ее любили все: дети, которые чмокнули Евгению в обе щеки и с собакой (в знак любви лизнувшей в нос) убежали во двор; мать Валерии, которая испекла в честь гостей грандиозный пирог и теперь накрывала на стол; сама Валерия, помогавшая ей; и, конечно, Климов, не перестававший твердить, какая Женя молодец, что позвонила, а то он уже отчаялся найти ее, чтобы сказать... Ну и так далее. Похоже, даже огромный бело-рыжий кот любил Женю: во всяком случае, он так заливисто мурлыкал, глядя на нее, словно именно она истово, медленно чесала его металлической чесалочкой, а не хозяин, с любовью бормотавший: «Ах ты, собака! Такая собака!»

– Вы Балтимора тоже собакой называли? – хихикнула Женя.

– Не удивлюсь. В юности набрался у одного парня – с тех пор не могу отвязаться от этого выражения. Надо надеяться, Балтимор не из-за этого на меня накинулся!

Да, приятно сознавать, что тебе удалось сохранить счастье в семейном гнездышке. Однако Женя тотчас одернула себя: это не только ее заслуга. Она просто выполняла заказ... чей? Но не спросишь же Климова напрямую. А предлога пока не найти.

Вошла Валерия, взяла из серванта салфетки, улыбнулась: – Шесть секунд. Последние штрихи – и все. Вам не скучно, Женечка? Чем бы вас развлечь?

– Ничуть не скучно, – вежливо возразила Женя. – А если хотите развлечь, покажите какие-нибудь фотографии. Обожаю старые альбомы смотреть!

Расчет был прост: если загадочная брюнетка и впрямь принадлежит к числу давних климовских знакомых, она вполне может оказаться на старых фотографиях. Может и не оказаться, разумеется. Ну что ж, тогда в голову придет что-нибудь другое.

– Пожалуйста, – после некоторой заминки откликнулась Валерия. – Только фотографий у нас не очень много. Разве что за последние три года, когда хороший аппарат купили, а до этого – случайные снимки.

Она достала из того же серванта небольшой альбомчик в потертом плюшевом переплете и ушла. Климов тотчас отложил чесалочку и сел рядом с Женей.

– Как здорово вы это придумали, – пробормотал он, жадно глядя на альбом. – Я тоже люблю старые снимки, только в последнее время совершенно о них забыл. Неужели их

так мало осталось? Вроде бы два альбома было?.. О, это я! Нет, Лерка. Или Сашка? А может быть, Костик? – озадаченно бормотал он, разглядывая фотографию голого младенца, лежащего на пузе, сосредоточенно уставясь в аппарат.

Женя, увы, ничего не могла ему подсказать, но тут их позвали к столу, и идентификация младенца стала общим делом. Оказалось, что это все-таки Лера – в возрасте двух месяцев.

– Только головку начала держать, – педантично сообщила климовская теща, которая работала сестрой-хозяйкой в областной больнице и отличалась превеликой аккуратностью.

За столом Женя так и этак пыталась перевести разговор на дальневосточное прошлое, однако за пятнадцать лет жизни в России (так коренные дальневосточники называют все, что западнее Урала) прежние впечатления основательно подернулись пылью забвения. К тому же хозяева не скрывали своего интереса к госте. Для начала Женя сообщила, что работает в рекламном агентстве, а потом торопливо уплыла из чуждой темы, перейдя к своим воздушным приключениям. Об этом она могла говорить часами, вот и говорила, а сама думала, показалось ей или на лице Валерии в самом деле мелькнула некая тень при упоминании старых фотографий? И сейчас именно Валерия всячески отводила разговор от прошлого. Возможно, конечно, это бессознательная ревность к женщине, внезапно завладевшей вниманием мужа? Чтобы укрепить свою репутацию, Женя принялась расска-

зывать о Льве, отчаянно привирая в интересах дела. Разумеется, они давно и счастливо женаты. Лев просто-таки не вылезает из Нижнего Новгорода – чистая случайность, что его сейчас здесь нет. Каждый день названивает и все такое, вот и сегодня в девять надо быть у телефона.

До девяти оставалось всего полтора часа, и у Валерии зримо поднялось настроение. А у Жени – упало. Лев уже неделю не звонил. Где он и с кем? Ну сколько можно выдавать желаемое за действительное? Глупо. А еще глупее, что оставила себе на розыск брюнетки всего час. Хотя... Ей же надо подготовиться к ночному выходу. Грушин дулся-дулся, а тут как с печки упал: расщедрился на новое задание. Да какое! Работы – один процент, удовольствия – девяносто девять!

После чая теща Климовых отправилась к соседке. Остальные перешли в гостиную, и Женя сразу обратила внимание, что альбома на диване уже нет. А ведь она ничего не успела увидеть. Так, ее задание с треском валится в пропасть. Теперь просто невозможно настаивать на просмотре фотографий: только полный дурак не догадается, что она хочет что-то найти. А если хозяева не желают этой находки?

Тотчас оказалось, что не желают не все.

– Лера, ну что ты альбом убрала? – возмутился Климов. – Мы ничего не успели посмотреть. И разве у нас один альбом, а не два?

– Да я не помню, где он... – начала было Валерия, но упрямый Климов полез на стул, чтобы поискать на антресолях.

Жена испугалась за его ребра и пообещала все найти сама.

Первый альбом оказался малоинтересен: фотографии в нем были все больше климовских родителей, а их самих – только школьные. И не нашлось тут места никаким роковым брюнеткам. То есть брюнеток было сколько угодно, а вот роковых... Главное дело, Женя и сама не могла бы объяснить, почему так равнодушно откладывает фотографию за фотографией. Да, конечно, она помнила слова Миши Сталлоне о тонких губах и длинноватом носе, но искала не только эти черты, а нечто, словами не объяснимое. Если не ведьму, то злую колдунью. Во всяком случае, зловещую. Даму пик! Но ничего подобного пока не встречала.

Тем временем первый альбом был благополучно просмотрен, и Валерия не без скрежета зубовного выволокла на свет божий альбом номер два: в черных лакированных корочках, украшенных перламутровыми птицами и цветами.

– Китай! – с наслаждением провел по нему ладонью Климов. – Антикварная вещь!

– Ну, это студенческие, – бросила Валерия, втискиваясь между Евгенией и мужем (так-так...) и небрежно сдвигая целую стопу фотографий. – Это вам вряд ли интересно будет. А вот эти – уже позднейшие, когда мы в школе по распределению работали.

– Ох, нет! – с непередаваемым ужасом воскликнул Климов. – Не напоминай. Это три самых жутких месяца в моей жизни. Школа в Валдгейме! Как вспомню, так вздрогну. Да-

вай лучше институтские фотки посмотрим.

Он потянул стопку с одной стороны, Валерия крепко держала ее с другой, а Женя с изумлением наблюдала эту короткую, но ожесточенную схватку.

Бог ты мой! Что же так старательно прячет Валерия от нее... или от мужа?

Климов, однако, оказался непрост: вдруг ойкнул, схватился за бок. Валерия с испугу выпустила фотографии, и они черно-белыми пятнами рассеялись по полу.

Женя съехала с дивана и принялась лихорадочно собирать снимки, с твердым намерением не выпускать их из рук до тех пор, пока не выяснит подноготную каждой из запечатленных там брюнеток. И вдруг замерло сердце: прямо ей в глаза улыбочиво глянул... Александр Неборсин.

Тот самый, убитый в своем синем «Мерседесе»! Уж этот вкрадчивый взор записного покорителя женских сердец Евгения успела изучить, пока готовилась к встрече с ним. Ей казалось, что Неборсина просто избаловали женщины, однако, очень может быть, этим выражением глаз он обладал с самого рождения. Во всяком случае, парню на фотографии было лет восемнадцать, а взгляд выдавал уже весьма опытного ценителя женской красоты.

И тотчас сердце пропустило еще один удар: рядом с Неборсиным – Сергей Климов! Такой же молоденький, одетый более чем странно: в жокейскую шапочку с козырьком

и камзол с номером на груди. А Неборсин выглядел будто ковбой с Дикого Запада в этом своем стетсоне.

В эту минуту Валерия нагнулась с дивана, и ее желание выхватить фотографию показалось Жене столь откровенным, что она решила тактично не обратить на это внимания, однако на всякий случай поднесла фото к самым глазам, демонстрируя клиническую близорукость. В конце концов, не станет же Валерия вырывать портрет, рискуя выцарапать госте глаза!

– О, жокей! – обрадовалась Евгения с самым простодушным видом, на который только была способна. Кто-то мог бы назвать его идиотским, но это ее мало волновало. – Помню, вы говорили, Сергей, что играли жокея в студенческом спектакле. Это он и есть?

– Господи! – Сразу помолодев, Климов выхватил у нее фотографию. – Я про эти снимки уже сто лет как забыл. Лера, смотри, это же Сашка Неборсин! Ну и рожа! – Он брезгливо дернул уголком рта. – Что вы, девчонки, в нем находили, понять не могу. Натуральный сукин сын. Кстати, это я от него научился собаками всех называть. Пристало, как зараза! Погоди, но ведь оставались и другие снимки спектакля... – Позабыв о боли, Климов самозабвенно перебирал шуршащую, будто осенние листья, охапку. – Вот еще, еще... Неужели все?!

– Да вспомни, сколько мы их раздали, – неприязненно сказала Валерия, очевидно, почувствовав недоумеваю-

щие Женины взгляды и согнав наконец с лица встревоженное выражение. – Я вообще думала, их уже не осталось.

«Тебе этого очень бы хотелось! – уверенно подумала Женья. – Значит, вы были знакомы с Неборсиным? Как интересно-о... А почему Лере так тяжело об этом вспоминать?»

– Вот! – торжествуя возопил Климов, выхватывая из вороха большую, размером с целый лист, фотографию с обломанными уголками и любовно разглаживая ее. – Вот, Женья, посмотрите: вся наша труппа. Весь наш спектакль.

Он схватил Евгению за руку и нетерпеливо втащил на диван – по другую сторону от себя, так что все прежние маневры его жены пропали втуне.

Сделав вид, что не слышит явственного зубовного скрежета, Женья со всем вниманием уставилась на фото – и опять увидела молодого Неборсина. Он возлежал на деревянном стуле, задрав на стол сапоги с ужасающими шпорами. На сцене по мере сил и возможностей была воспроизведена обстановка американского салуна. В одной руке Неборсин держал бутылку виски (точнее, из-под виски), в другой – «смит-и-вессон» такой величины, которая сразу выдавала его бутафорское происхождение. Рядом, оседлав стул, мчался в воображаемой скачке жокей – Климов. Сбоку обнималась парочка: точеная блондинка с кукольным личиком, одетая в мини-мини-кожу и сапоги выше колен, и хилый паренек, похожий на пастора. Здоровяк в ковбойке с задиристым видом демонстрировал кулачищи. Долговязый парень в мотоцик-

летном шлеме, очках и комбинезоне, очевидно автогонщик, аплодировал высокой девушке с разлохмаченными волосами и в белом балахоне. Она имела какой-то мокрый вид, словно ее недавно вытащили из воды. Сказать по правде, эта девица, украшенная цветами, здорово напоминала бы Офелию, не будь столь жгуче-черноволосой. Но стоило Жене бросить один лишь взгляд на это худое, резких очертаний, зловеще-красивое лицо, как она поняла, что нашла свою роковую брюнетку.

Евгения узнала ее мгновенно, ни разу не встречая прежде, не зная имени, не услышав ни единого слова даже о ней, не то что от нее! Тонкие губы, длинноватый хищный нос, брови вразлет, сверкающие глаза... Да, это не крошка Офелия с ее песенками про незабудки и розмарин. Эта пиковая дама не боится ни бога, ни черта, иначе разве стала бы метать коротенькие стрелки-дарты в круг, прикрепленный к груди скелета с огромной косой в клешнятой руке?

– Лера, Лера, помнишь? – возбужденно верещал Климов. – Как эта пьеса называлась? «Ты проиграла, Смерть!» – так, кажется?

– Лихо! – пробормотала Женя. – А вас, Лера, почему не видно на сцене?

Это был неудачный вопрос: лицо Валерии стало ледяным.

– Потому что для меня не нашлось роли.

– Ой, Лерочка, неужели ты все еще злишься? – хохотнул Климов. – Надо не Аделаиду ругать, а себя, свою внешность.

Вы понимаете, – опять обернулся он к Евгении, однако, слава богу, сообразил: приобнял за плечи жену, и ее ледяная маска мгновенно растаяла, – Лера и сейчас-то нежная и очаровательная, а пятнадцать лет назад была просто Дюймовочка. Пупсик такой розовенький. А для нашего спектакля требовались дамочки покрепче. Вот эта, Алина, – он ткнул пальцем в блондинку на фотографии, – к тому времени прошла огонь, воду и медные трубы – по жизни, ей даже играть не приходилось, изображала себя, да и все. Ну а наша Аделаида вообще родилась этакой роковухой, для себя роль и писала.

«Роковуха»! Да уж...

– Сама писала? – уважительно переспросила Женя, надеясь, что голос не дрогнул. Она разволновалась необычайно – из-за Неборсина, конечно. Еще одно совпадение: Климов был с ним знаком! – явилось очередным полновесным доказательством правоты Грушина. Да, здесь все очень далеко от чистых, незамутненных случайностей!

– Аделаида работала у нас в педде на кафедре эстетического воспитания и вела студенческий театр. Вот уж была эстетка! Вот уж была артистка! – покрутил головой Климов.

– Почему это была, интересно? – подала голос Валерия. – Артисткой она родилась – артисткой и умрет. А уж эстетка теперь стала такая, что не приведи господь.

– А ты откуда знаешь? – вскинул брови Климов, и Женя всерьез озаботилась, что ей больше не придется вести рас-

следование: супруги все взяли на себя, работали даже без навоящих вопросов. – Мы же лет пять не общались, если не больше.

– Да я видела ее в аэропорту, когда летела во Франкфурт.

«Точно! Вот так она узнала, что Валерия улетает и можно действовать свободно!»

– А ей что делать в аэропорту? Тур?

– Встречала рейс из Амстердама. Наша-то Ада теперь знаешь кто? «Орхидея»!

– Как это – орхидея? В каком смысле? – озадачился Климов.

– В самом прямом. Видел на Покровке цветочный магазин – ну, почти возле площади Горького, в двухэтажном доме? Да где тебе видеть! Словом, уже полгода, как Аделаида купила этот дом. На втором этаже личные апартаменты, на первом – магазин. – Валерия обернулась к Жене: – Вы там не бывали? Ну, много потеряли. Это нечто! У Аделаиды последний муж был какой-то мафиози, что-то там с казино связанное. Умер от инфаркта – все оставил ей. От казино она, конечно, избавилась, живет на проценты с капитала, а для забавы держит две игрушки: магазин и любовника. Такой сладенький брюнетик, ну просто молоденький Ричард Гир! А ведь нашей Адочке сколько? Сорок пять, сорок шесть? Или больше?

– О господи! – вздохнул Климов. – Угомонись, чудовище с зелеными глазами!

– Да, кстати! У Аделаиды теперь зеленые глаза! – с удвоенным пылом воскликнула супруга. – Изумруды натуральные. Контактные линзы. Теперь она вообще стала вылитой ведьмой, даже жуть берет.

Климов обреченно завел глаза.

«Молоденький Ричард Гир? Забавно! – подумала Женя. – Как это Грушин описал шофера, который деньги привез? «Не шофер, а балерун какой-то». Балерун – танцор – наемный танцор – жиголо – фильм «Американский жиголо» – Ричард Гир играет в нем главную роль. Довольно четкая ассоциация. Еще одно совпадение?»

– Вы говорите, магазин «Орхидея»? – робко вклинилась она в перепалку супругов. – А не знаете, почему он так называется? Он что, специализируется на продаже орхидей?

– Именно, – кивнула разгоряченная Лера. – Аделаида самолет зачем встречала? Ей должны были семена уникальные передать. Там какую-то переорхидею вывели, супер-пупер этакий, ну а разве Аделаида переживет, если у нее чего-то *этого* не будет?

«Похоже, это надолго, – вздохнула Женя. – Ненависть пятнадцатилетней выдержки может фонтанировать часами. А я сама себя в прокрустово ложе засунула: только полчаса до ухода осталось!»

– А как вы попали в Нижний Новгород, если жили на Дальнем Востоке? – не очень ловко попыталась она повернуть разговор в нужном направлении.

– Я сама родом отсюда, – пояснила Валерия. – Отец устроился в советско-японское предприятие, вот мы и переехали в Хабаровск. Он там и умер, а мы с мамой вернулись. И Сережу с собой прихватили. – Она с любовью взглянула на мужа.

– У вас тут, наверное, дальневосточное землячество? – гнула свое Женя. – Или больше никого из прежних знакомых нет в Нижнем Новгороде?

Климов с ностальгическим выражением уставился на фотографию:

– Да нет, какое землячество? Кроме Аделаиды и Сашки Неборсина, больше и нет никого. Мы практически не общаемся. Сашка и раньше был большой барбос, а теперь, наверное, и вовсе закуржавел. Конечно, я расчувствовался, когда фото увидел, но это так, мгновенный порыв. Сашка у меня невесту когда-то чуть не увел, так что, сами понимаете, радости от встречи никто не получит, правда, Лерочка?

Тут явственно просилась пылкая реплика на тему «да-да-да», однако Лера почему-то не спешила ее подавать.

Женя и Климов посмотрели на нее одинаково удивленно – и встретились с затравленным взглядом.

– Сережка, – пролепетала Лера, – я не хотела тебе говорить... я тоже не знала, но Аделаида сказала. Саша-то Неборсин умер! Ты представляешь? Совсем недавно.

– Умер? – растерянно повторил Климов. – Как то есть умер? Что ты глупости говоришь?

– Умер! – всхлипнула Валерия. – Убили его – на дороге

убили. Какой-то человек подошел к машине и выстрелил в голову. Ты представляешь? Как собаку застрелил! Как собаку! – Она плакала в голос, стискивая кулаки.

– В го-ло-ву? – переспросил Климов, бледнея. – Сашку Неборсина?! Господи... «русская рулетка»... Ну что же ты так плачешь, Лера? Что ж ты так плачешь? Или... Или не зря я тогда с ума сходил? Не зря, да?!

«О господи! – с тоской подумала Женя. – Я и правда как Белая Дама. Не труп, так горе. Они ведь теперь надолго завелись. И все из-за меня!»

* * *

«Пожалуй, чем лучше, благополучнее живет человек, тем дороже он ценит свою жизнь и тем больше боится смерти. А после нее ему уже ничего, ничего не интересно! Враз обесценивается все, что еще вчера составляло глубочайший, сокровеннейший смысл его существования. Даже чувства. Даже душевные движения и высокие помыслы. Вот уж воистину: сегодня бог, а завтра – прах!»

Кстати, вот что любопытно. В народе говорят: сколько богатства ни копи, ничего с собой не унесешь. Логика: копит тот, кто уверен – вместе со смертью для человека заканчивается все. А после нее – только пустота, тьма, ничто. Но ведь это противоречит всем религиозным догматам! Это противоречит истинной

вере. Любопытный тест для патриархов церкви, не правда ли?»

Из дневника убийцы

* * *

Домой возвращаться не хотелось, но куда еще идти? Сидеть, ждать выдуманного Левушкиного звонка – у моря погоды?

«По-хорошему, Эмма права. Я проживаю какую-то чужую жизнь. Мне же совсем не того хочется. Каждый вечер засыпать одной, с холодным сердцем. Льву-то моя ошалелая верность совсем не нужна, иначе у нас уже давно был бы дом, куда он хотя бы иногда возвращался, хотя бы считал своим долгом возвращаться! – Ревнивые переглядки Климовых, их дети, орущие во дворе, теща с поджатыми губами и слишком жирный торт – все это промелькнуло перед ней светлым, недостижимым видением. – Ох, господи, ну сколько можно об одном и том же!»

Она призвала в свидетели всю небесную рать, что нынче вечером в ее жизни не будет места пагубным воспоминаниям: надо работать, готовиться к визиту в «Орхидею». Среди книг, оставшихся от отца, есть шеститомник «Жизнь растений», а там хоть что-то да написано обо всяком земном (а также подземном и подводном) произрастании! А потом,

около полуночи, она наденет свое новое суперплатье и поплывет навстречу дивной неизвестности...

Женя свернула во двор. Здесь было уже почти темно: величавые березы поднялись до небес. Неровные блики из окон падали на узкий тротуарчик, где асфальт уже скорее напоминал культурный слой неких полузабытых раскопок. Каждый, кто проходил здесь, думал об одном и том же: почему, когда асфальтируют улицу рядом с домом, не заглянут во дворик? Обновить здесь асфальт – плевое дело!

Женя тоже подумала об этом. А еще – как бы в темноте не оступиться и не съехать с четырех покосившихся ступенек, которые ждали впереди. Однажды с ней уже приключилось такое: ногу подвернула, каблук сломала.

Придерживаясь за стену, осторожно нашарила ступеньку, вторую, пахло спертой сыростью из распахнутой настежь двери общих подвалов, мимо которой она шла.

Рывок! Кто-то обхватил ее за шею, потащил!

Мгновенный приступ удушья, тьма сгустилась вокруг.

«В подвал. Все? Конец?»

Она сильно саданула ногой куда-то назад, ощутив, как острый каблук вдавился во что-то твердое. Над ухом раздался хриплый вскрик. Женя рванулась, нагнувшись, пытаясь перебросить нападающего через себя. Он был тяжел, ухватист, однако площадка возле подвальной двери, на которой они боролись, оказалась слишком узка: ноги Жени сорвались со ступенек, ее понесло вниз, в темноту.

Ступени больно били по телу, но куда важнее то, что смертельный захват ослаб. Женя умудрилась вскочить на ноги, однако тотчас рядом начал копошиться, взбугриваться мрак: это нападающий пытался встать. Он загоразживал ступеньки, и Женя, оставив мгновенную бредовую идею прорваться к выходу, отпрянула и ринулась в дверь, ведущую в глубину подземных переходов.

Если он затащил ее в подвал, значит, дверь была открыта. А ключи только у жильцов дома. Видимо, кто-то есть в подвале, и если Женя позовет на помощь...

Но впереди расстилалась темнота: ни промелька света ни в одном из ответвлений. Если тьма, значит, здесь нет никого: нападающий либо подобрал ключ, либо сломал замок. Надеяться не на кого – она сама себя загнала в ловушку, и если он сообразит отыскать выключатель...

Позади громко щелкнул рубильник, и Женя невольно зажмурилась. Лампочки горели вполнакала, однако почудилось, будто стоит она по меньшей мере в центре Кремля, со всех сторон залитая потоками ослепительно яркого света.

Взгляд заметался по сторонам. Двери, дощатые двери со всех сторон, на них разнокалиберные замки, намалеваны суриком цифры...

«27» – бросилось в глаза.

Номер ее квартиры! Их с мамой сарайчик. И... на нем нет замка!

Женя бесшумно скользнула внутрь, в темноту, где белели

полосы тусклого света, сочившегося из щелей. Она возблагодарила бога за то, что не метнулась в ближайший же ход, а добежала почти до конца подвала. У нее есть время хотя бы перевести дух, собраться с мыслями, пока он обойдет два других хода, заглянув во все двери, где нет замков.

Ее била дрожь. Капли пота сползали с висков. Три хода, и каждый заканчивается тупиком. В доме сорок восемь квартир, в каждом переходе подвала шестнадцать ячеек. Сколько дверей заперто? Сколько еще в доме жильцов, столь же ленивых, как Женя и ее матушка, которым проще сходить за картошкой-моркошкой на базар, чем сделать припасы, как все добрые люди?

Поодаль хлопнула дверца. Так... он отыскал одно из возможных убежищ беглянки. Если там нагромождены какие-нибудь вещи, пройдет еще несколько секунд, прежде чем он убедится, что среди них никто не прячется. А потом двинется дальше!

Безумием было надеяться, что он уйдет. После девяти вечера кому что может понадобиться в подвале? Никто не придет, никто не помешает, никто не спугнет человека, который хочет убить Женю. Или не только убить?

Она в панике огляделась, обшарила все углы. В их сарайчике пусто, отвратительно пусто. Лежат только три бумажных мешка с давно окаменевшим цементом, прикрытые какой-то дерюжкой, да стоит старая-престарая стиральная машинка без крышки, оставшаяся еще от прежних жильцов.

Она слишком мала, чтобы в ней прятаться, и слишком тяжела, чтобы использовать как орудие защиты. Мешки тоже не поднять.

Раньше у них много чего тут было наставлено, мама даже держала в подвале банки с соленьями, а потом как-то вдруг заметила, что банки резко уменьшились числом. Сменили замок, и еще раз его меняли, пока не обнаружили, что дверь-то никто не открывает, зато в перегородке между их сарайчиком и соседским есть одна плаха, которая отодвигается достаточно широко, чтобы в нее мог пролезть человек, и даже не с одной банкой, а с двумя. Мама обиделась, унесла из подвала все, даже замок сняла, и теперь вороватые соседи могли сколько угодно лазить в сараяшку с цифрой «27»: ничего, кроме старой стиральной машины и цемента, здесь...

Ох, да что же она стоит, как дура? Вот же возможность спастись!

Женя припала к перегородке и зашарила по ней, не чувствуя заноз, цеплявшихся за пальцы. Неужели соседи заколотили лаз?

Нет! Доска шевельнулась! Пошла в сторону! Скорее...

Она скользнула в довольно широкую щель и торопливо задвинула плаху на место. Подпереть бы ее, но чем? Этот сарайчик тоже оказался пуст. Не из чего построить баррикаду, не подо что спрятаться. Остается только забиться в угол, затаить дыхание, не выдать себя ни звуком, ни шорохом, когда откроется соседняя дверь и туда заглянет нападавший,

чтобы убедиться: и здесь никого нет, добыча ускользнула... куда?

Вот именно – куда? Что подумает он, обойдя все незапертые сараюшки? Что Женя убежала через какой-то неизвестный выход? Что спряталась в одном из запертых сараев? Скажем, у нее был ключ и она ухитрилась совершенно бесшумно открыть замок. Да, а потом – тоже совершенно бесшумно! – повесила замок на место, оставаясь при этом внутри!

«Нет, он не догадается, что где-то может быть лаз, – твердила себе Женя. – Не догадается, бомж на это не способен, у него ум убогий, пропитый...»

Бомж? Конечно, она не разглядела насильника, но от него не разило перегаром, прокисшим потом, мочой, как следовало бы, и рука, перехватившая Жене горло, была рукой сильного, крепкого человека. Просто чудо, что она вырвалась, только падение со ступенек спасло. Но если так крепко его тело, не значит ли это, что и разум достаточно крепок? И если он сообразит, что беглянка не провалилась сквозь землю, останется только один вариант: она прошла сквозь стену. И стоит ему только...

Внезапно блеклые полосы света исчезли: вокруг сгустилась тьма.

Сердце так и рванулось к горлу в новом приступе страха. Что это значит? Погас свет – почему? Что он надумал делать? Решил сдаться, уйти – и выключил электричество? Ну надо же, какая заботливость! Или он хочет внушить Жене,

будто ушел, будто опасность миновала?

Она выждет, потом, не слыша никакого движения, выберется из своего убежища, дойдет до дверей, а там...

— Да нет там никого, я же тебе говорю, — раздался нервный юношеский голос. — Просто кто-то забыл погасить свет. Не волнуйся — уже заорали бы во все горло, если бы кто-то был!

А это еще кто? У нападавшего появился сообщник? Или... или какой-то рачительный хозяин все же отправился в подвал в столь поздний час? Бог его надоумил, к примеру. Но зачем погасили свет?

Надо кричать, звать на помощь!

Женя открыла рот, но не смогла издать ни звука. Все запеклось в горле — исторглось только слабое сипенье. Женя метнулась к заветной плахе, но тут ее словно кипятком ошпарило: дверь соседнего — ее, не запертого! — сарайчика медленно открылась.

Женя замерла.

— Вот и наш домик, — совсем близко послышался оживленный голос. — Давай, Нинулик, вползай.

— Темно... — отозвался голос девичий, вздрагивающий. — Ты что, забыл фонарик?

— А зачем он нам? — бодро отозвался юноша. — Я тут все наизусть знаю. Сейчас ты тоже привыкнешь к темноте. Вон там наши мешки и наше одеяльце. Иди сюда... садись. Ага. И я рядом. Нинулик...

Вздых, несколько быстрых поцелуев, вздох.

– Погоди, – наконец заговорил парень снова, и теперь голос его тоже дрожал. – Сначала мы выпьем. За нас! Сейчас, сейчас...

Что-то булькнуло.

– Дело мастера боится! Готово.

– Что это? – боязливо пискнула Нинулик.

– Кагор. Церковное вино. Мы же решили, что сегодня... у нас же сегодня как бы свадьба, да? И мы будем пить вместе. Я читал, что, если мужчина и женщина пьют из одного стакана, они будут неразлучны.

– Так ведь из стакана...

– Да какая разница – стакан, бутылка? Все равно неразлучны! За нас!

Бульканье, торопливые глотки.

– Ну, пей.

Бульканье, торопливые глотки.

– Кислое. Я шампанское люблю!

– Ну чего ты, Нинулик?

Поцелуй, долгий поцелуй, шуршание пыльных бумажных мешков.

– Нинулик... ну ты что?

– Ой, подожди!

– Не могу. Я просто лопну сейчас. Потрогай, какой я!

– Борик, я боюсь!

– Привет! Раньше надо было бояться. Ты же согласилась. Нет, ты потрогай, потрогай!

– Борик, давай как-нибудь по-другому. Я не хочу, я боюсь, мать сразу догадается, когда будет стирать. Давай по-другому, как эти... Билл с Моникой Левински.

– У меня сигары нет, дура, только *это*.

– Сам ты дурак, при чем тут сигара? Нет, пусти, пусти, я не хочу, пусти, порвешь, дурак, не надо, Борик, гадина, пусти!

Но Борик поступал в точности как его знаменитый тезка и в упор не слышал требований о своей отставке.

Девчонка пискнула уж вовсе дико – и тут Женю словно толкнуло. Она рванула доску и проскочила в узкую щель.

Борик оказался прав: глаза привыкли к темноте, и она сразу различила в углу две копошившиеся фигуры. Вцепилась в загривок той, что возилась сверху, дернула, потом пнула оставшуюся.

Раздался истошный вопль, и Борик свалился в угол неподвижным ворохом.

Женя схватила Нинулика за руку, тряхнула:

– Беги! Волки! – и, таща девчонку за собой, вылетела за дверь под аккомпанемент ее истерического визга.

Она знала, куда бежать, и в темноте. Но на каждом шагу этой знакомой дороги в них с Нинуликом могли вцепиться те беспощадные руки. Ужас прорвался сдавленным криком.

Женя свернула в проем двери, еще более темный, чем окружающий мрак. Ударила по стене – послушно вспыхнул свет. Она хотела оглянуться, но не было сил.

Нинулик вырвалась и, обгоняя Женю, взлетела по сту-

пенькам. Крутанула ручку английского замка, распахнула дверь и выскочила во двор, все так же истошно, пронзительно, безумно крича:

– Волки! Волки!

– А почему волки? – спросил Грушин.

– Бог его знает, – дернула плечом Женя. – Надо бы психологика спросить: может, меня в детстве ими пугали, когда мы в деревне у бабушки жили? Не знаю, не знаю. Да и не все ли равно?

– Удивляюсь, почему тебя не посадили за мелкое хулиганство.

– Я и сама удивляюсь, – вздохнула Женя. – Главное, понимаешь, я была в брюках. Они, конечно, имели тот еще вид, теперь их только под дверь бросить, ноги вытирать, да и то не дома, а на даче, но благодаря им на ногах никаких следов не осталось от того, как я по ступенькам катилась. И на руках тоже: я слишком быстро вырвалась.

– Что ж ты так? – покачал головой Грушин. – Недалеко видно, знаешь ли... И что обо всем этом думаешь?

– Думаю? – Женя рада была, что шеф не видит, как ее трясет.

– Как считаешь, он хотел тебя... только придушить?

Женя поймала трубку, которая едва не выпала из рук.

– А черт его знает, чего он хотел! Да он меня, строго говоря, и не душил: захватил под сгиб руки, потащил в подвал.

Все остальное происходило исключительно по моей инициативе, все эти гонки с дьяволом, а он, очень может быть, со мной намеревался просто о погоде побеседовать. Эй, ты здесь? Аллю! Чего молчишь?

– Думаю, – раздался наконец голос Грушина. – Может быть, это мадам Малявина какие-то шаги предпринимает? Помнишь, надеюсь, что тебе нынче ночью на вахту заступать?

– О-ох... – слабо выдохнула Женя. Она совершенно забыла про «Санта-Барбару»! Ой, нет, стоит только представить себе, что надо выйти из дому, миновать эту дверь в подвал... Конечно, можно попросить таксиста встать у самого подъезда, и все-таки найдет ли она вообще в себе силы выйти среди ночи на улицу, где поджидает неизвестно кто? Может быть, тот человек не оставил своих намерений, может быть, милиция его просто не нашла, он все еще таится там, в подвальной тьме, и стоит Жене показаться...

– Эй, – негромко позвал Грушин. – Ты где там?

– Думаю, – уныло откликнулась Женя. – Я, конечно, ничего не хочу сказать, но нельзя ли меня сегодня кем-нибудь заменить, а?

– Я и сам хотел, – без энтузиазма признался Грушин. – Беда – некем!

– Да ладно-ка! А Олечка, Надя, Люда, Татьяна? – перечислила она своих коллег по работе в «Агате Кристи».

– Вот то-то и оно! – протянул шеф. – Олечка, Надя, Лю-

да, Татьяна! Думаешь, почему я именно тебя на это дело поставил? Не злись, но я дал себе слово поддержать тебя пока в отдалении от всего, кроме нашей «роковой брюнетки».

Женя скорчила трубке гримасу. Ладно врать-то, шеф! Можно подумать, Грушина так уж озаботила игра вокруг Климова! Все это чистой воды самодеятельные интриги, без малейшей примеси криминала, и Женю он «держит в отдалении» от других дел исключительно в карательных целях. Для трудоголика Грушина ничегонеделание было худшим из наказаний, ну а поскольку сотрудников в агентство он все-таки подбирал по образу своему и подобию, в этой воспитательной методике все-таки крылось некое рациональное зерно.

– Ну и вчера утром я еще хотел послать в «Санта-Барбару» кого-нибудь другого, – продолжал Грушин. – Но ты прикинь: Олечка еще маленькая девочка, она среди этой светской кодлы просто растеряется. У Татьяны заболел ребенок, а муж в командировке. У Нади, представь себе, нет вечернего платья! Она мне устроила натуральную выволочку: мол, я до того плохо плачу своим сотрудницам, что ей не на что зайти даже в какую-нибудь «Жаклин Кеннеди», а в том, что можно купить на рынке на Алексеевской, в «Санта-Барбару» и на порог не пустят. У Кручининой, говорит, новое платье есть – пусть она его и выгуливает. Что это у тебя там за платье такое, что о нем все на свете знают?

– А, это мы с Эммой недавно купили, – усмехнулась Же-

ня. – Пошли за костюмом ей, а в результате купили мне роскошный вечерний туалет. Кстати, там было еще одно точно такое же, Надежде никто не мешал влезть в долги, как сделала я, но ладно, это уже технические детали. А Людмила чего отказывается?

– Ну, Людмила теперь в «Барбике» вообще персона нон грата, – с тоской ответил Грушин. – Бывают же такие девки скандальные! Она там недели две назад на провокацию работала, и начал ее снимать какой-то... к сожалению, не клиент, он на нее и внимания не обращал, за другой ухаживал. Так она от злости своего поклонника взяла на такой приемчик, что тому пришлось «Скорую» вызывать, а Людка насилу живая ушла. Вообще, я боюсь, если ребята из «Барбары» случайно встретят ее на улице, то доставят немало неприятных минут.

– Не горюй, не доставят, – утешила Женя. – Люда в вечернем макияже и Люда без того – это две большие разницы. Ее просто никто не узнает.

Грушин хмыкнул – но как бы из вежливости, невесело. Да и Женя не испытывала особенного веселья. По всему выходило, что сегодня ночью и впрямь некому работать, кроме нее. И главное, никак нельзя пропустить эту ночь! Ибо нынче – «одна-единственная гастроль», как в старину писали на цирковых афишах, знаменитого стриптизера Стаса, московского гостя, в шоу «Дамы раздевают кавалеров». Разведка донесла, будто в ночном клубе «Санта-Барбара» ожидается

нечто подобное свальному греху в скандально знаменитой московской «Дикой утке». Оголодавших дамочек ожидается море, а среди них непременно появится и мадам Малявина. Ее муж, мечтающий о разводе с этой любительницей запретных радостей, даже устроил себе служебную командировку, чтобы дать супруге возможность «оттянуться» по полной, а слежке из «Агаты Кристи» – запечатлеть ее в некоторых раскованных позах, каковые она непременно будет себе позволять. Для этого самого запечатления у Жени имелся крошечный фотоаппаратик (слово «крошечный» было ему явно великовато), вмонтированный в брошку. Как в кино про шпиёнов! И нынче ночью она намеревалась не только вволю наглядеться на выдающиеся мужские достоинства (почему бы не поглядеть за счет фирмы, ведь она уже который год видит эти самые достоинства только в унылых эротических снах!), но и вволю наиграться с японской электроникой. И к этому было единственное препятствие: страх.

– Грушин, – вкрадчиво сказала Женя, презируя себя, – может, ты со мной сходишь? А?

В трубке раздался звук, очень напоминающий интенсивный зубовный скрежет.

– Думал уже, – буркнул Грушин. – Боюсь, еще больше, чем Людмила, дело испорчу. Меня там наверняка знают. Мы ведь именно в «Санта-Барбаре» зимой «стрелку» с «Терминаторами» ставили. Неохота светиться. Это первое. А второе – у меня смокинга нет.

Тут уж крыть, что называется, было нечем, и Женя простилась с расстроенным шефом. Он, правда, обещал что-нибудь придумать, однако Женя, стиснув зубы, решила, как и всегда, полагаться только на себя. Она заказала на полдвенадцатого такси (действие должно было начаться в полночь, а ехать до «Санта-Барбары» от силы десять минут), постояла под раскаленным душем, выпила две чашки кофе и пошла надевать свое знаменитое платье.

Сказать по правде, у нее несколько отлегло от сердца и все тревожнения нынешнего дня как бы попятились, когда она открыла шкаф и увидела это тускло-зеленое, слегка мерцающее чудо портновского искусства. Никаких декольте ниже пупка, грудь закрыта, пуританский воротничок-стойка (что очень кстати, потому что сзади на шее обнаружилась-таки ссадина – след того жуткого захвата), и только плечи сильно обнажены. А плечи у Жени красивые, хоть и не очень-то беломраморные, – есть что показать! И ноги у нее что надо, хоть рекламируй в них любимые колготки «Dance». Нарочно для демонстрации прелестных ножек платье снабжено длинными разрезами по бокам. А сзади, на спине, то самое декольте, которое так и тянет накрыть суровой мужской рукой. Эх, много теряет Лев, оставаясь в такой дали от этого предивного платища и той, что упакована в него! И даже откровенно вульгарная брошка смотрелась на фоне общего шика не столь уж пошло.

Женя была почти одета и соответствующим образом на-

крашена, когда вдруг зазвонил телефон. Для такси рановато, и не межгород, значит, не Лев вдруг встрепенулся, услышав ее немой призыв. Наверное, заботливый Грушин решил дать последнее наставление.

– Внимание! – сказал ледяной безжизненный голос. – Через несколько минут вас посетит Фантомас. Внимание! Через несколько минут...

Женя уронила трубку. Она и сама не подозревала, что нервы настолько взвинчены. Вот дурь собачья! Знать бы, кто это развлекается. Надо включить аппарат в гостиной, он с определителем номера. Наверняка придурок перезвонит снова.

Сделала несколько шагов и вздрогнула так, что ее шатнуло к стене: позвонили в дверь! И еще раз, и еще.

Женя, кое-как собравшись, подошла к шкафу в прихожей и взяла с полки газовый баллончик, всегда лежавший там – на всякий случай. Держа его на изготовку (в таком деле главное – не выпустить весь заряд в лицо себе, любимой, это все-таки не духи «Барбарис»!), двинулась было к двери, но тут снова брякнул телефон. Женя метнулась на кухню, схватила трубку, зачем-то наставив баллончик на нее.

– Привет, – сказал Грушин. – Слава богу, что ты еще не усвистела. Отмени такси, с тобой поедет Миша Сталлоне. Думаю, с минуты на минуту нарисуетя у тебя вместе со своим «скорпионом».

– Нарисовался уже, – буркнула Женя и положила трубку,

забыв сказать спасибо.

Велико было искушение все-таки пальнуть в дурную Мишину физиономию, однако Женя этого не сделала, а потом похвалила себя за сдержанность: уж больно великолепный телохранитель ей достался!

Смокинг, как перчатка, облегал крутые плечи, крахмальный воротничок подпирал волевой подбородок, роскошные черные кудри стянуты на затылке в хвост, аромат дорожных духов заставляет трепетать чувствительные женские ноздри.

– Привет, супермен! – с отвращением сказала Женя, демонстративно убирая баллончик в шкаф. – Ты кликуху решил сменить или через дефис писаться будешь? Сталлоне-Фантомас или Фантомас-Сталлоне?

Миша поджал скульптурные губы и не проронил ни слова до тех пор, пока не припарковал свой «Форд Скорпио» (в просторечии «скорпион») у сверкающего огнями входа в «Санта-Барбару». Но и тогда им было сказано только: «Вот черт!», потому что это «у входа» оказалось на самом деле метров за сто.

– Чего это все сюда слетелись, как мухи на мед? – удивлялся Миша, когда они уже шли по тротуару среди разодетых дам и лощеных джентльменов. – Мужиков голых не видели? Или, может, вход бесплатный?

Увы, вход оказался очень даже платный, а для мужчин – ровно вдвое. Благословляя предусмотрительность Грушина,

Женя сунула Сталлоне несколько стодолларовых бумажек.

– Убиться лопатой! – выдохнул тот. – Так и заказчика разорить недолго! Слушай, давай я устрою стриптиз прямо здесь, за половинную цену. Уйдем богатыми людьми, ей-богу!

Женя окинула красавчика оценивающим взглядом, чувствуя, как поднимается настроение.

– А у тебя есть разрешение на индивидуальную предпринимательскую деятельность? То-то! Пошли уж, стриптизер!

Разумеется, музыка орала так, что Женя сразу почувствовала себя больной и разбитой. Ну, ненавидела она избыток децибел, ну, имелся у нее такой недостаток... Эстет звука Миша тоже поеживался и шепотом мечтал показать им это «самбо белого мотылька» в действии.

Женя, стиснув зубы, озирала тутошний бомонд. Кошмар... всюду оголодалые женские лица, да и мужские тоже мелькают. Какие-то козлобородые хилаки интеллигентного вида вкупе с жирненькими дяденьками уже недвусмысленно строили Мише глазки.

– Возьми меня под руку! – скомандовала Женя сквозь зубы и тотчас ощутила под левой грудью железные бицепсы Сталлоне, который и вообще-то был дисциплинирован, а тем паче на боевом посту. – Ой, только без синяков... Как интересно!!!

Миша ревниво проследил направление ее взгляда и то-

же вытаращил глаза. Мимо с самой демократической улыбкой на отечном лице продефилировал один из кандидатов в мэры (семимильными шагами на город надвигались выборы оного). Кандидат был хорош: и биографией бездельника-скандалиста, и неудобопроизносимым отчеством, и бойко играющим глазом записного бабника, и умением сотрясать нервы аудитории при публичных кампаниях... Правда, он до того подражал Кашпировскому, что некоторых избирателей, бают, пачками свозили потом в «дом скорби» на улице Ульянова. Однако не нами ведь сказано: лес рубят – щепки летят. Женя эту простецкую лживую физиономию терпеть не могла, просто-таки до содрогания, и сейчас ощутила горячее желание использовать служебное положение в личных целях: нажать на некий брильянтик в своей знаменитой брошечке. Пара кадров с соответствующими комментариями – и этот шаман может надолго опустить предвыборный бубен. Хотя, тут же остудила она свой пыл, такой проныра все равно вывернется! Один из его лозунгов – жить одной жизнью с электоратом, а на каких скрижалях записано, что электорат только на Автозаводе горбатится или с плакатами возле здания областной администрации прохаживается? Вокруг, скажем, чем не электорат?

– Да плюнь ты на него, – стиснул ее руку товарищ по оружию. – Лучше на меня смотри!

– Я бы с удовольствием, – усмехнулась Женя, принимая от бежавшего мимо мальчика широкий, будто вазочка с мо-

роженным, шампанский бокал, а может, и фужер. — Однако судьба мне нынче утратить правильную ориентацию и смотреть вовсе в другом направлении.

Она глотнула, ощутив привычное умиление души и тела: «Лучше шампанского может быть только шампанское!» — и огляделась, пытаясь хоть что-то различить в веселой сутолоке.

— А коммунисты говорят — нищает нация! — снова забрызжал Миша Сталлоне, однако послушно заткнулся, когда Женья впиалась ногтями ему в запястье.

Вот она! Ярко-рыжая, тощая, смуглая и зеленоглазая, похожая на экзотическую кошку, — Наталья Малявина. Объект! Красивая женщина, яркая. Вернее, ослепительная. Но куда смотрел умница Виктор Малявин, когда делал ей предложение? У бабы грех из глаз так и брызжет, и вряд ли фонтанировал с меньшей силою, когда та ходила в девицах. Эта особа, возможно, и девочкой-то невинной не была никогда. А теперь косила под известную столичную шлюху с татарской фамилией, дочь провинциального поэта, запойного алкаша и трепача.

Но даже при этом потасканном имидже, даже на традиционно-завистливый женский взгляд, Малявина была чрезвычайно хороша. И платье на ней было великолепное: этакий обманчиво-простенький лоскуток леопардовой расцветки, едва державшийся на сосках и прикрывающий срамное место ровно настолько, чтобы оно казалось прикрытым.

– Ф-фемина-а! – низко, страстно простонал Миша Сталлоне. – Жень, а как насчет провоцирующих ситуаций? Может, переориентируем операцию? Тут я смогу пригодиться, как никто! Пошли, позвоним Грушину, а?

– Угомонись, товарищ! – опять прошлась ногтями по его ручище Жень и сжала губы в ниточку, чтобы не расхохотаться. – Забыл кодекс Грушина? Не западать на клиентуру – первое правило! К тому же тут и без тебя хватает желающих побыть соответчиками на бракоразводном процессе.

Желающие имелись обоего пола. Среди них ходила черно-окая, в скобку стриженная дама с лицом профессиональной плакальщицы – известная в городе поэтесса, а также два крутых мена, один бритый, другой лохматый, до противности схожие с теми двумя «новыми русскими», которые обсуждают свои дебильно-валютные проблемы в каждом втором анекдоте. Жень для очистки совести нажала на брильянтик, хотя и объект, и свита пока что вели себя более чем незатейливо. Однако дама как-то егозливо передергивала бедрами, словно трусики вдруг сделались ей тесны, и можно было не сомневаться: сегодняшний вечер предоставит массу впечатлений! Судя по рекламе и отзывам в самой демократической прессе, от гастролера Стаса дамы натурально сатанели и чуть ли не в открытую начинали предаваться всяческим вольностям с кем попало. Ходили слухи, будто некоторые срывали с себя одежду и выскакивали на эстраду, хватая стриптизера за всякие места, а потом, вспомнив о брошенных где попало

платьишках, их на месте не находили и зачастую принуждены были добираться до дому в одном нижнем белье (у кого оно имелось), а то и без него – в точности как после знаменитого сеанса черной магии в варьете.

Малявина казалась женщиной практичной: лоскутик ее платья можно было сорвать быстрее, чем фиговый листок, но среди собравшихся вряд ли отыскалась бы дама такой же субличности, чтобы на этот клочок ткани позариться.

Женя заставила себя отвести взгляд от Малявиной и столь же пристально рассматривать туалеты других дам. В самом деле, это внимание рано или поздно покажется объекту подозрительным, как бы ее не спугнуть! И вдруг Женя получила нечто вроде крепкого удара под дых, увидев в нескольких шагах от себя пышноволосую брюнетку... точно в таком же платье, как у нее.

Тот же фасон. Тот же оттенок. И даже – ну не насмешка ли судьбы?! – столь же аляпистая брошь под воротником-стойкой, правда, не из искусственных бриллиантов, а из не менее искусственных рубинов. «Неужели там тоже фотоаппарат?» – с ужасом подумала Женя.

Брюнетка несколько поубавила силу молний, которые прицельно метала в «соперницу», и, подхватив под руку своего долговязого кавалера, потянула его к бару, явно мечтая оказаться как можно дальше от нечаянного двойника.

Знать, на то, второе платье нашелся все-таки покупатель!

«Это же надо! Это же надо!» – тупо твердила себе Женя и вдруг перехватила насмешливый взор Малявиной, которая, похоже, заметила мгновенную дуэль взглядов.

«Э, плохи дела!» – не на шутку испугалась Женя и взяла под руку своего спутника, желая отдрейфовать от слишком глазастого объекта (следовало вообще оставаться непримеченной!) хотя бы на время, пока не начнется представление и Малявина не позабудет обо всем на свете.

Миша, конечно, ничего не заметил. Эх, не понять мужикам, что значит для женщины увидеть на другой *свое* платье! Ну, почти как возлюбленного встретить с соперницей, ей-богу!

– Уж полночь близится, а Германна все нет, – сказал невнимательный Сталлоне. – «Молнию» на штанах, что ли, тренируется расстегивать?

И в ту же минуту, словно в ответ, побежали по рампе разноцветные огоньки, потом все погасло, а вслед за этим по сцене начал прицельно бить стробоскоп, в рваном свете которого забегали полуголые девки, корча из себя неудовлетворенных этуалей. Резвились они на фоне огромной желто-розовой раковины – не умывальной, понятное дело, а морской, типа какой-нибудь рапаны или птероцеры, затейливо изогнутой, вывернутой, манящей, – наподобие грота сладострастия, как именуют женскую прелесть гораздые на эвфемизмы ¹ китайские и индийские любовные пособия.

¹ Слова или выражения, отдаленно сходные по смыслу с теми, непристойное

И вот наконец стробоскопы перестали рвать зрение здешнего электората, музыка притихла, и луч света выхватил из темноты широкоплечую мужскую фигуру с длинными, ниже плеч, волосами.

Дамы в зале разом взвизгнули, и Женя поняла: идол появился!

Стас простер в зал руки, словно снимал мгновенно поднявшуюся сексуальную температуру, а может, давал совершенно противоположную установку, – и вдруг над самым ухом Жени раздался истерический вопль:

– Зар-рою, с-сука! Пидор поганый!

Стас уронил руки, его мраморный лик исказился.

Две какие-то темные фигуры (возможно, телохранители божества) порскнули с углов сцены в зал, взрезая темноту лучами фонариков. Дамы шарахались, визжали, а Женя тупо всматривалась в кучу малу, копошившуюся возле ее ног.

Мелькнувшее было подозрение, будто кто-то пытается оскорбить стриптизера, развеялось: на сцену пока никто не рвался, ни мужики, ни бабы, а вот дрались... дрались, однако, отчаянно!

Но Женя словно в ступор вошла, и понадобилось включить в зале свет, чтобы она поняла, кто, собственно, дрался.

Миша Сталлоне!

Миша Сталлоне отчаянно рубился в рукопашной с двумя крутейшими качками, один из которых был тот самый бри-

тый – из свиты Натальи Малявиной!

Охрана клуба вкупе с телохранителями Стаса попыталась быстренько разобраться в свалке, однако была отброшена, словно за ненадобностью, и уж тогда взялась за дело со всем рвением. В результате Миша оказался зажат в одном углу самопроизвольно провозглашенного ринга, а оба его противника – в противоположных. Один харкал кровью, а другой, бритый, шваркал разбитым носом и уведомлял рыдающим голосом всех собравшихся о своих преступных намерениях по отношению к гражданину Михаилу Кислякову по прозвищу Сталлоне. То есть это Женя потом уже догадалась, кто имелся в виду под всеми этими фраерами, бекасами, боби-ками, вертухаями, дешевками, мусорами, ментами, кадетами, козлами, курухами, наседками, парашютистами и прочими падлами-легашами.

Понять причины столь внезапно вспыхнувшей ненависти было совершенно невозможно, однако она оказалась заразительна: окружающие с откровенной неприязнью косились не только на Мишу, но и на его спутницу, которую бритый, слегка отплевавшись, окрестил ментовской шалашовкой. Малявина при этом взглянула на Женю с особым вниманием, и, может быть, не одна лишь нечистая совесть была повинна в том, что Евгении в этих желтых раскосых глазах почудилась откровенная издевка.

«Вот это засветились так засветились! Не хуже Людочки!»

Появился менеджер клуба или как его там – лощеный

супермен с усталыми, но добрыми глазами, и посоветовал «господам» убраться подобру-поздорову, более не беспокоить постоянных посетителей, к числу коих относился и бритоголовый, не то за дело возьмется служба безопасности клуба.

Сталлоне не стал качать права: молча подхватил Женю под руку и направился к выходу, барственным движением отметая попытки вышибалы сунуть ему в карман мятые долларовые бумажки: заведение гарантировало возврат денег уходящим до окончания представления гостям. И не прошло минуты, как Миша Сталлоне и Женя оказались перед захлопнувшейся дверью «Санта-Барбары», словно скандальная Джина и беспутный Мэйсон, которых в очередной раз выставили из дома Кэпвелов. Напрашивались также ассоциации с лисой Алисой и котом Базилио.

Из-за двери донесся усиленный микрофоном голос:

– Господа! Мы просим принять наши самые искренние извинения! Инцидент исчерпан, вернемся к нашей программе, гвоздем которой, безусловно, является...

– А, чтоб тебе тот гвоздь в задницу! – страстно выдохнул Миша Сталлоне, натурально ломая руки. – Это же надо, а? Это же надо так проколоться!

– Да что случилось-то?! – возопила шепотом Женя, лоя за рукав боевого товарища, который, ослепнув от ярости, едва не свалился со ступенек. – В чем дело?

Миша соскочил на тротуар и жалобно пробормотал, мгنو-

венно превращаясь из Рэмбо в обиженного мальчика:

– Да ведь я у этого придурка жену увел... в смысле по ее просьбе!

Да, среди видов услуг, которые оказывала «Агата Кристи», была и такая: создание ситуации, провоцирующей нерешительного супруга к решительным действиям. Не далее как три месяца назад Миша участвовал в подставке, возымевшей сокрушительный эффект. Этот самый бритоголовый, застигнув супругу на месте преступления, сначала попытался убить ее с любовником, однако наткнулся на непреодолимые препятствия в виде Мишиных кулаков и действий охранного агентства «Терминатор», а потому рассудил, что жизнь дороже и на распутной бабе свет клином не сошелся. Он подал на развод, дама мгновенно обрела свободу и уже готовилась к новому всплеску семейного счастья. Бритоголовый доселе выглядел вполне довольным жизнью и свободой, однако вдруг его разобрало. По-прежнему ли он видел в Мише Сталлоне этакого злого разлучника или подоплека случившегося наконец стала ему понятна? Судя по репликам, последнее вполне могло иметь место. Впрочем, об истинных причинах происшедшего можно было только гадать, а заодно и лить слезы над загубленным заданием.

– Ну и что мне с вами обоими теперь делать? – спросил Грушин. – Вот уж правда что: сеанс черной магии с ее пол-

ным и окончательным разоблачением!

Все они находились в его приемной: провалившийся Миша, не выполнившая задания Женя и Эмма, которая заглянула подать кофейку, да так и застряла на пороге, бросая на виновников жалостливые взгляды, а на Же-ню – жалостливые вдвойне.

– Почему – с вами? – героически произнес Миша. – Делай со мной что хочешь, но Женька тут при чем?

– При том. При нем. При тебе, вернее! – рявкнул шеф. – Какого, спрашивается, лешего ты потащила за ним из клуба? Не могла остаться там одна, довести до конца работу? Тоже мне, попугай-неразлучники! Это было твое, твое, твое задание, ты его провалила – в очередной раз, заметь!

– Можешь не кричать, я и так все прекрасно понимаю, – процедила Женя, вскидывая подбородок, словно по нему пришелся удар. – Когда тот бритоголовый меня во всеуслышание пришел к Михаилу, Малявина только что в лицо мне не рассмеялась. У меня создалось впечатление, будто она ожидала слезки, знала или предполагала ее! Ты, кстати, и сам не исключал такую возможность: помнишь, говорил, что меня вечером могли подстергать по ее наводке? Может быть, Малявин сам ей сболтнул, пригрозил... а она женщина необычайно умная и хитрая!

– Да уж поумнее некоторых... – огрызнулся шеф.

– Господи, Грушин, да что же это ты, как дикий зверь, на людей кидаешься?! – внезапно не выдержала Эмма. – Же-

нечке и так вчера досталось. Просто чудо, что она тут с нами живая сидит, а ты...

Она подавилась всхлипыванием, а Женя даже головой покачала: ну в самом деле, кто сказал, что нет на свете настоящей, верной, вечной дружбы? Да отрежут лгуну его гнусный язык! Полчаса назад, когда она живописала в приемной свои ночные, а главное, вечерние приключения, Эмма натурально забилась в истерике. Бесчувственный Грушин даже выглянул из своего кабинета и поинтересовался, над чем они, собственно говоря, ржут, когда провалено такое дело?

Пламенный призыв Эммы возымел результаты. Грушин виновато потупился, потом взмахом руки отпустил восвояси Мишу Сталлоне – с тобой, мол, я еще побеседую! – и с неподдельным сочувствием воззрился на Женю.

– Да ладно вам, – сказала она, мгновенно устыдившись всеобщего внимания. – Пациент скорее жив, чем мертв. Вообще-то вчерашний вечер – это типичный случай того, как трагедия может превратиться в фарс. Я же вам еще не рассказала! Вообразите: эта дура, которую я спасала, отпиралась от всего, как... ох, я просто не знаю, что и сказать! – Женя стукнула кулаком о ладонь. – Никакого насилия не было, они с Бориком просто пошли в подвал за картошкой и перепутали сарай. Как вам это нравится, а? В начале августа – в подвал за картошкой! Борик, кстати, в нашем доме, в четвертом подъезде живет, потому у него и оказались ключи от подвала. Ну а как туда тот мерзавец попал, я и предста-

вить не могу.

– Да что ты говоришь? – изумился Грушин. – А я могу. Большое дело к замку ключ подобрать! Вот он и подобрал. Затаился и ждал, пока...

– Это ты прав, – перебила Женя. – Когда на шум, который мы с Нинуликом подняли, начали соседи сбегаться, одна бабулька вспомнила, что видела какого-то мужика, который ковырялся с замком. И вроде бы он показался ей незнакомым, но тут у бабулькиного пакета ручка оторвалась, и бутылка подсолнечного масла, как у той Аннушки, разбилась. Всю юбку изгадила, уж так ругалась, так ругалась... Цитата, – уточнила Женя, увидав, как широко распахнулись иронично прищуренные глаза Грушина. – Короче, не разглядела она ничего толком, помнит, что сутулый дядька был. Мне тоже показалось, что он вроде как высокий... Но поскольку никого и ничего, кроме зацементированного Борика, милиция в подвале не нашла, очную ставку проводить было не с кем.

– Смылся он, значит.

– И, наверное, давно. Может быть, сразу, как ребята пришли. Вовремя они появились, ничего не могу сказать.

– Да, а то в конце концов он мог бы и догадаться, что ты интуитивно заберешься в дверь с номером 27, – кивнул Грушин. – Твое счастье, что не успел.

Женя взглянула дикими глазами:

– Ты понимаешь, что говоришь?!

– То есть?

– Думаешь, он ждал именно меня?

– А у тебя нет такого ощущения?

– Бог ты мой! Да с чего, с какой радости?!

– Ну, мало ли кто и почему может желать тебе смерти, – небрежно пожал плечами шеф «Агаты Кристи». – Какая-нибудь жена, лишившаяся мужа с твоей помощью в рабочем порядке, разумеется, но ведь потом она могла раскаяться! Или какой-нибудь муж, который теперь решил, что ты слишком много о нем знаешь. Вариант с Малявиной мы уже обсуждали. Да мало ли!

Несколько секунд Женя смотрела на него оторопев, потом резко отвернулась:

– Злые вы! Уйду я от вас! Ну, начальничек... Секретарша ваша все-таки гораздо человечнее, не в пример вам. Правда, Эммочка? Угадайте с трех раз: у кого шутки дурацкие?

– А если серьезно? – невозмутимо продолжил Грушин. – Ну, напряги головушку, все-таки мы какие-никакие, а детективы.

– Какой-никакой, а все-таки мужик, – пробормотала Женя.

Брови начальства полезли вверх.

– Опять цитата, – угрюмо пояснила она. – А Эн Островский, драма «Гроза», Тихон говорит. Нет, Грушин, давай серьезно, а? Зачем ты меня пугаешь?

– Не пугаю, а призываю задуматься. Например, вот о чем:

ты уверена, что там, на шоссе, когда ты появилась около неборсинского «мерса», тебя никто не мог видеть?

– Привет! Как минимум три мента плюс еще двое-трое зевак. Ох, господи! Ты что, думаешь, пошел отстрел свидетелей убийства? Да ну, брось.

– Брошу, брошу, только ты мне скажи: человек, приставивший к виску Неборсина пистолет, не мог все-таки тебя увидеть? Точно не мог?

– Теперь-то я уж и не знаю, – растерялась Женя. – Если, конечно, сидел в ближайших кустах шиповника, то мог. Но ведь милиция все там обшарила и не нашла никого, кроме Гулякова. И то уже потом, после того, как я ушла, его вытащили на свет божий! Вот уж кто видел убийцу, вот кого, если следовать детективным штампам, надо убирать! Это Гуляков в опасности, а не я.

– Гуляков не в опасности, а в бомжатнике, – ответил Грушин. – Прошу не путать.

– А я была в парике! – радостно вспомнила Женя. – Исключено, чтобы он мог меня узнать, исключено!

– Убедительно, – согласился Грушин. – И все-таки, может, тебе быть осторожнее? Не оставаться одной дома, особенно по ночам.

– Собачку завести? – невинно предложила Женя. – Чтобы лаяла под дверью? Или опять Мишу Сталлоне от фоноскопии отвлечешь? Но вот тогда меня уж точно рано или поздно изнасилуют, хоть, возможно, и не убьют. Или, может быть...

Она смотрела совершенно чистым, абсолютно невинным взором, однако Грушин мгновенно помрачнел:

– Вообще говоря, я всего лишь имел в виду, чтобы ты позвонила матери в Москву и попросила ее приехать. А ты вечно все...

– Грушин, не злись, – устало перебила Женя. – Я страх как не выпалась: чуть не до утра читала «Жизнь растений». Раз уж одно дело сорвалось, надо другим заниматься. А то, что ты говоришь... Не обижайся, но, по-моему, это пустышка. Да не видела я этого убийцу толком. Не видела! Рядом окажусь – не признаю. Ну что, мне об этом объявление в газету дать?!

– Правда не видела? – обрадовалась Эмма. – Вот и хорошо, вот и чудненько. Меньше знаешь – лучше спишь. Кстати, о твоём злоумышленнике – я вот что вспомнила: в начале года во всех газетах прошла информация о маньяке, который хватал женщин за горло, вот как тебя, затаскивал в подвалы и, слегка придушив, насиловал. Живыми, к счастью, отпускал.

– А, так это «серия»! – с нескрываемым торжеством воскликнула Женя. – Слышал, Грушин? Типичная «серия»!

– Господа, господа, слушайте, чего скажу!

В кабинет ворвался Миша Сталлоне – такой веселый и радостный, словно его и не ждала разборка «на ковре» и вычет из жалованья той суммы, которую он вчера таким небрежным жестом подарил «Санта-Барбаре».

– Все-таки умный человек сказал: что ни делается, все к лучшему! Знаете, что вчера в «Барбике» произошло, когда мы оттуда ушли? Попытка убийства – ни больше ни меньше! Только что передали по «Радио «Рандеву»!

– Что, Стаса едва не задушили в своих объятиях бабы? – пробормотала Женя. – Или состоялась дуэль на бутылках шампанского из-за последнего клочка его плавок?

– Если бы! – разочарованно вздохнул Миша. – Нет, просто некая дама пошла в туалет, а он там в полуподвальчике расположен, рядом – служебный выход, через который продукты со двора на кухню заносят. И только дама попикала и вышла в коридор, как свет погас и ворвался какой-то громила. Сгрел ее за шею и потащил на улицу, в ту самую дверь. На пороге она за косяк уцепилась, вывернулась, начала орать. К счастью, два джентльмена, которые в это время следовали в галюн, услышали крики, засучили рукава, дамочку отбили, а злодей бежал быстрее лани – его даже и не увидел никто.

– Ага! – обрадовалась Женя. – Опять маньяк, как ты, Эмочка, говоришь! Не тот ли самый? Похоже, он вышел на тропу войны!

Эмма прижала ладони к побледневшим щекам.

– Кстати, Миха! – обернулась Женя к боевому товарищу. – Смотри, как бы в этом тебя не обвинили. Очень просто можно подумать, что ты из мести вернулся и начал куролесить, пытаясь если не убить эту особу, то хотя бы распугать клиентуру «Санта-Барбары».

– Этого мне только не хватало! – пробормотал Миша Сталлоне.

– Нет, серьезно, – не отставала Женя. – Если тот бритый наедет на свою бывшую, чтобы сказала, кто участвовал в подставе...

– Я ей позвоню, – встрепенулся Миша. – Прямо сейчас позвоню и скажу, чтоб молчала как рыба об лед!

Он поспешно вышел.

Грушин, словно не слыша всей этой суматохи, задумчиво глядел в окно.

– Ну что? – вкрадчиво спросила Женя. – Что ты там маракуюешь? Почему не уверяешь, что этот маньяк и в «Барбик» ради меня пришел?

Эмма коротко вздохнула.

– Ладно, хватит! – Грушин раздраженно стукнул по столу. – Дискуссионный клуб закрыт! Ты, кажется, куда-то собиралась, агент Кручинина? Ну так иди, иди!

– Ну и пойду! Кручинина, видите ли! – Женя поплыла из кабинета, но на пороге остановилась. – Грушин, не обижайся, хорошо? Я правда ужасно тронута, что ты так беспокоишься. За это я принесу тебе самую большую целогину!

– Что?!

– Тебе не нравятся целогины? Тогда каттлею. Ну, пока!



«Теперь нам уже не нужно доказывать, что рождение – не начало нашей жизни, а смерть – не ее конец. Это истина! В ней мы убеждаемся, когда перед нашими глазами проходит весь процесс зримой утробной жизни, от зачатия до самого рождения. А после смерти... после смерти...

Порою я думаю: может быть, так и нужно жить, радуясь каждому дню и не заботясь о горе, которое точит сердце? Радость уйдет, а горе – оно со мною вечно. Ох, до чего же больно, до чего же верно сказано: «Нет большего блага, чем радоваться своим делам, ибо в этом и доля человека, ибо кто его приведет посмотреть, что будет после?..»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.